

Под чужим именем

Автор:

Валерий Горшков

Под чужим именем

Валерий Сергеевич Горшков

Я – ликвидатор НКВД #1

Нажить врагов-чекистов в 1937 году – все равно, что подписать себе смертный приговор. А ленинградский студент Ярослав Корсак ухитрился стать личным врагом городских оперов чека. Надо ложиться на дно, менять документы, начинать новую жизнь. Ярославу удалось так «перевоплотиться», что в итоге он был зачислен в сверхсекретную диверсионную группу «Стерх», выполняющую молниеносные операции в любой точке земного шара. Он стал одним из лучших бойцов группы, вот только прошлое, словно часовой механизм бомбы, неумолимо тикает за спиной бесстрашного диверсанта.

Валерий Горшков

Под чужим именем

Пролог

Санкт-Петербург. Октябрь 1915 года

Анастасия Михайловна зябко поежилась, отложила книгу в толстом кожаном переплете, поправила накинутый на плечи тонкий пуховый платок, встала с кресла-качалки и подошла к печи, чтобы подбросить еще пару березовых

полешек в угасающую топку.

Осень в этом году выдалась на редкость сырой и дождливой, даже для слякотной столицы Российской империи, сдуру заложенной великим государем Петром Алексеевичем на самом непригодном для жизни месте. Болтливые языки до сих пор говорят, что, принимая решение о строительстве великого города, царь-реформатор якобы понятия не имел, какую свинью подкладывает бесчисленным поколениям россиян. Но Анастасия Михайловна, как человек образованный и начитанный, была твердо уверена: не мог отлично знающий морское дело человек не обратить внимания на столь очевидные каждому чухонскому рыбаку вещи, как характер почвы под ногами и географическое положение территории, где спустя несколько лет должна была вырасти новая имперская столица. Не мог Петр не предвидеть, что в случае сильного западного ветра, дующего со стороны узкого, как бутылочное горло, Финского залива, быстрые речные воды непременно столкнутся в устье с волнами, набегаящими с моря, в результате чего уровень воды в Неве поднимется на несколько метров и затопит всю центральную часть Санкт-Петербурга, включая Зимний дворец. Конечно же, мудрый государь, радеющий за величие России и страстно желающий воплотить главную мечту своей жизни – дать Отечеству так необходимое для торговли с цивилизованным миром «окно в Европу», все знал.

По этому поводу даже существует легенда, гласящая, что во время осмотра Петром Алексеевичем стрелки Васильевского острова, откуда, собственно, и начиналось все строительство города, к нему неожиданно прорвался прознавший о намерениях русского царя старый хромой финн, опирающийся на посох. Поманив государя рукой, седобородый чухонец подвел его к растущей неподалеку высокой корявой сосне, взял посох за конец, поднял его на вытянутую руку и постучал о торчащий из ствола дерева обломанный сук, гневно прокричав что-то на родном языке. «О чем это он?» – нахмутив брови, обратился Петр к сопровождающему его придворному переводчику. «Этот старик, государь, хочет сказать, что во время наводнения уровень воды достигает вот той точки. Здесь ничего нельзя строить. И здесь вообще нельзя жить», – перевел толмач, сторожко наклонившись к государеву уху. Зная нрав царя, он ожидал гнева. Однако Петр Алексеевич отнесся к предостережению старика весьма оригинально. Самодержец думал всего несколько секунд, а потом хитро прищурился и, в своей обычной манере взмахнув рукой, громко приказал: «Срубить сосну, немедля! С глаз долой!» После чего наклонился к переводчику и шепотом добавил: «А чухонцу дай за мой счет пять целковых и передай мой царев приказ: под страхом смерти до гробовой доски держать язык за зубами». Выслушав требование Петра и торопливо спрятав в карман

ассигнацию, старый финн сначала почтительно склонил голову, а затем, улучив момент, когда государь со свитой двинулся прочь, незаметно – как ему тогда ошибочно показалось – сплюнул под ноги и от души выругался. А после еще долго стоял на месте и, опираясь на палку, смотрел в спину удаляющегося в окружении заискивающей челяди «полоумного» русского самодержца...

Каждый раз вспоминая эту занимательную и, по ее мнению, очень похожую на правду народную байку, Анастасия Михайловна невольно улыбалась. Вот и сейчас на губах последней представительницы древнего, но давно обнищавшего стараниями дедушки-игрока дворянского рода, присевшей на корточки у манящей уютным теплом, потрескивающей березовыми дровами печи, блуждала чуть заметная улыбка...

В дверь квартиры неожиданно постучали. Затем еще раз, уже более настойчиво. Анастасия Михайловна испуганно вздрогнула и машинально бросила быстрый взгляд на стоящие на дубовом комодe старинные часы в виде бронзовой фигурки амура – то небольшое, что еще напоминало в ее скромном жилище о бывшем величии безвозвратно пресекающегося на ней рода Корсаков. Без четверти два ночи. Кто бы это мог быть в такое позднее и совсем не подходящее для визитов к одинокой почтенной даме время? Она никого не ждала. У нее дома вообще крайне редко бывали посторонние, да и те в основном коллеги из расположенной в двух кварталах епархиальной больницы для неимущих.

В дверь снова гулко стукнули. Причем на сей раз – безо всяких сомнений – сделали это уже ногой. Грубо. Требовательно. Нетерпеливо. Нахально.

Анастасия Михайловна выпрямилась, гордо расправила плечи, пытаясь взять себя в руки. Интуиция подсказывала ей, что незваный ночной гость так легко восояси не уберется. По крайней мере до тех пор, пока он не вынудит хозяйку квартиры открыть дверь. В том, что дома непременно кто-то есть, этот человек мог легко убедиться, увидев с улицы тускло освещенное занавешенное окно. Похоже, выхода у нее нет. Иначе этот продолжающий тарабанить в дверь страшный человек просто высадит ее своими могучими ударами.

Приказав себе не бояться и торопливо пригладив сверкающие первой сединой пепельные, а некогда огненно-рыжие волосы, Анастасия Михайловна вышла в тесную прихожую, приблизилась к сотрясающейся от ударов двери и решительно открыла замок.

И сразу же расслабилась, увидев на пороге хорошо знакомого ей, но сейчас чем-то крайне возбужденного, всклокоченного и болезненно помятого мужика.

Это был дворник Кирилл. Старик снова был пьян.

– Беда! Матушка Анастасия Михайловна!.. – проглатывая слова, пошатываясь и с ядреным сивушным запахом торопливо выпалил дворник, дико тараща безумные глаза. – Скорее!.. Она там!!! Там!!! – Кирилл, вне всякого сомнения, пребывал от казенной в сильном помрачении рассудка. Что, как было известно всем жильцам дома, периодически с ним случалось. Особенно в ближайшие день-два после выплаты месячного жалованья. Обычно, хватанув лишку, старик ограничивался тем, что садился на лавку во дворе и затягивал нудные бурлацкие песни, изредка плакал, вспоминая старого барина из родной деревни Еськи в Тверской губернии, и каждый раз на чем свет стоит ругал покушавшихся на батюшку-царя «бомбистов-социалистов», называя их «отродьем сатаны». Затем энергия безобидного бобыля, как правило, иссякала, он допивал бутылку, запирался в своей конуре и спал там до обеда следующего дня.

Однако на сей раз пьяный дворник позволил себе неслыханную дерзость – он бесцеремонно схватил женщину за рукав и грубо дернул, явно намереваясь во что бы то ни стало вытащить ее за порог. Это было уже слишком.

Анастасия Михайловна попыталась немедленно высвободиться, но тщетно – толстые, сильные от грубой работы и желтые от дешевого табака заскорузлые пальцы дворника вцепились в ее хрупкое предплечье будто кузнечные клещи.

– Отпустите меня. Немедленно. И извольте объясниться, – плотно сжав губы и смерив обезумевшего мужика холодным, полным достоинства взглядом, потребовала княгиня. – Иначе я вынуждена буду позвать городского, и он упрячет вас в кутузку.

– Так нету его там!!! – торопливо выпалил дворник, кивая за спину и тут же мотая лохматой головой. – Как только пролетка ее сшибла, Бугаев сразу в околоток побег!!! За своими и за дохтуром!!! Матушка!!! Анастасия Михайловна!!! Бери скорее лекарский струмент!!! Может, еще не поздно?!! Там она лежит, прямо напротив оградки двора!!! Вся в крови!!!

По спине Анастасии Михайловны пробежала волна ледяного холода. Причина столь возбужденного состояния Кирилла, кажется, прояснилась. Извозчик сбил женщину, которой срочно требуется медицинская помощь. А сам, антихристова душа, с перепугу укатил. Анастасия Михайловна хотела уже что-то спросить и даже приоткрыла для этого рот, но следующие слова наконец-то отпустившего ее локоть дворника вдруг заставили сердце княгини больно сжаться и замереть, пропустив очередной удар.

– Я как раз домой из трактира возвращался, а тут из-за угла пролетка вылетает!!! Без извозчика!!! Взбесилась, видать, кобыла-то, понесла!!! И вдруг, откуда ни возьмись, из подворотни – дамочка!!! И, как слепая, напрямик под пролетку бросается!!!.. Бугаев, городской, он под навесом у хлебной лавки стоял и тоже все видел. Даже крикнуть успел: мол, куда прешь, дура, да только поздно уже было... Пролетка – шарах! – и даже не остановилась... Подбежали оба, глядим, а мамзеля эта уже преставилась, а в голове – здесь – вот такая дырища! Вмиг к Богу отошла... Я глянул: ба: да она ж брюхатая!!! Рукой живот ейный трогаю – а там... там... Чую – шевелится!!! Живой!!! Матушка... Мож, не поздно еще? Хоть дитя останется... А?! Ты ж дохтур, аккурат по делам женским... Жалко ведь...

Анастасия Михайловна охнула. Мельком взглянув на не находящего себе места Кирилла, обратила внимание, что по опухшему от водки щетинистому лицу дворника одна за другой ручьем катятся слезы. Проняло старика. Неудивительно. У нее самой от такого известия едва не подкосились колени.

– Д-да... Конечно... Бог ты мой! Я сейчас! – тихим шелестом слетело с дрогнувших губ акушерки.

Ей понадобилось не больше полуминуты, чтобы, открыв комод, достать лежащий там кожаный саквояж с инструментами и перевязочным материалом, сунуть ноги в туфли и вместе со стариком броситься под дождь, к месту разыгравшейся ночной трагедии.

Сбитая лошадейю женщина была совсем еще юной, почти девчонкой. На вид – не больше восемнадцати лет. Она лежала на спине, возле уличного фонаря, отброшенная силой удара с мостовой на тротуар, и смотрела на мир широко открытыми стеклянными глазами. Чуть выше левого виска была страшная кровотокающая дыра, один мимолетный взгляд на зияющую глубину которой сразу отметал все сомнения относительно любого иного исхода беды, кроме

летального.

Анастасия Михайловна тотчас упала на колени рядом с телом, задрала на погибшей одежду и, рукой дав знак без умолку причитающему дворнику, чтобы тот наконец заткнулся, прижалась ухом к округлому, еще горячему животу, силясь уловить внутри тела хоть малейшее движение.

И через несколько секунд ощутила кожей щеки слабый толчок изнутри. Ребеночек шевелился. Это было невероятно, но даже после столь страшного удара, в миг перечеркнувшего жизнь его матери, находящийся в утробе малыш до сих пор оставался жив! Возможно, он получил травму, и уж наверняка – тяжелейшую форму асфиксии, но сейчас не было времени думать об этом. Существовал лишь один шанс попытаться вырвать ребенка из уже мертвого тела – не мешкая ни минуты, прямо здесь, на улице, под проливным дождем и холодным октябрьским ветром, провести срочное сечение, которое в сложившихся обстоятельствах не займет больше минуты. Игла, нитки и общая анестезия юной роженице уже – увы – не понадобятся...

– Ты должен будешь мне помочь, Кирилл! – без колебаний, в долю секунды приняв единственно верное решение, крикнула Анастасия Михайловна, снимая шерстяную кофту и протягивая ее Кириллу. – Снимай пальто и растягивай сверху, чтобы дождь не замочил! Как только я закончу, подашь мне кофту, чтобы я укутала ребенка, а пальто накроешь тело этой несчастной и – бегом к дому!!! Ты все понял?!

Не в силах вымолвить ни слова, опухший с перепоя старик лишь шмыгнул носом, кивнул, утер лицо рукавом, подоткнул кофту под кушак, торопливо снял старенькое, в заплатках, пальтишко и, как палатку, растянул его над головой «дохтура». Склонившаяся у распластанного на тротуаре тела Анастасия Михайловна торопливо обрабатывала руки и инструмент при помощи обрывка марли и бутылочки со спиртом.

Острый, как бритва, хирургический скальпель аккуратно рассек мягкие мышечные ткани, чуть ниже пупка. Для Анастасии Михайловны Корсак это была более чем привычная операция за без малого двадцать лет практики в церковной больнице женским врачом. Но она не шла ни в какое сравнение со всем, что случалось прежде. Когда разрез был сделан, Анастасия Михайловна бросила инструмент и осторожно запустила руки внутрь бездыханного тела. Вот он, солнышко...

– Держись, лапочка, еще секундочку – и ты будешь свободен... – Княгиня по всем правилам аккуратно извлекла из тела окутанного липкой слизью ребенка. В мгновение ока отсекала пуповину и тут же плотно спеленала малыша поданной дворником теплой кофтой. Не видя вокруг себя более ничего и никого, кроме этого теплого живого комочка, вскочила на ноги и, бережно прижав ребенка к груди, со всех ног бросилась через распахнутые ворота во двор, к светящейся, словно путеводный маяк, двери парадного. Думая на бегу лишь об одном: «Только бы случайно не споткнуться».

Кирилл, громко сопя и прихрамывая, ковылял следом. Лестница. Дверь. Квартира. Только бы успеть.

– Теплой воды с кухни, быстрее! – громко крикнула Анастасия Михайловна, оказавшись в тускло освещенной тремя оплавленными свечами комнате и с замиранием и болью в сердце принимаясь за дело.

С той секунды, как мальчик покинул едва не ставшее для него могилой материнское тело, он до сих пор так ни разу и не пошевелился и не подал ни звука. Однако даже думать о том, что все кончено, что она не успела, Анастасия Михайловна просто не могла и не хотела. Мальчик должен жить!

Это было, вне всякого сомнения, самое яркое воспоминание за сорок три года ее жизни. Спустя невыносимо долгие две минуты, когда надежд на чудо почти не осталось, крохотный, недоношенный мальчик дернулся, отрыгнул забившую дыхательные пути слизь, зашевелил ручками, дважды судорожно дернул ножками, на мгновение замер, а затем жалобно скривил губки и – к радости своих спасителей – огласил тишину квартиры слабым плачем. Как будто сообщая всему миру о своем счастливом возвращении с самого порога небытия. Обошлось.

– Матерь Божья! Пресвятая Богородица! – размашисто перекрестился трезвеющий прямо на глазах Кирилл, притихший за спиной нежно обнимающей малыша, раскачивающейся из стороны в сторону Анастасии Михайловны. – Живой, клопенька горемычный. Слава тебе, Господи Иисусе!..

Старик, не сходя с места, тяжело рухнул на колени, воздел влажные очи к висящему в углу комнаты, над лампадкой, старинному образу Богоматери и, быстро шевеля губами, принялся, путаясь в словах, читать самую

наиглавнейшую православную молитву:

– «Отче наш! Иже еси на небеси... да святится имя твое... да пребудет царствие твое... да будет воля твоя, на земли аки... аки на небе...»

Анастасия Михайловна не сразу поняла, что тоже плачет. Всю сознательную взрослую жизнь, еще со Смольного института, княгиня Корсак считала себя крепкой духом женщиной и презирала любые сантименты. В последний раз она плакала в девять лет, когда ее укусила не давшая себя погладить бродячая собака. Но это другое. Боль душевная, так же как и радости, всегда переносилась ею гораздо легче, чем боль физическая. Но сегодня ночью случилось иначе. Сегодня произошло Чудо.

Анастасия Михайловна нежно прикоснулась губами к щеке плачущего мальчика и ощутила ее бархатную, ни с чем не сравнимую приятную теплоту. Ее запах. Боже, какое же это огромное, бесценное счастье для женщины – иметь своих детей! У нее, последней в петербургской ветви рода Корсаков, этого не будет никогда. Никогда. Виной тому – первая девичья любовь, в студенческие годы и неудачная тайная операция... Возможно, именно поэтому Анастасия Михайловна твердо решила стать врачом и без остатка посвятить всю свою дальнейшую жизнь малышам и их мамам.

В прихожей громко хлопнула дверь. Послышался слоновий топот сразу нескольких пар ног и возбужденные голоса. Через секунду в комнату не вошли – вломилась трое мужчин. Двое разгоряченных мордатых городских во главе с местным блюстителем порядка Пашкой Бугаевым и щуплый сухопарый мужичонка в партикулярном платье, с запотевшими очками на длинном лисьем носу, кожаным саквояжем в одной и мокрым зонтиком в другой руке. Дежурный полицейский врач. Наверняка – бездарь и тупица.

Анастасия Михайловна, стоя спиной к незванным визитерам, на секунду опустила веки, глубоко вздохнула и с достоинством обернулась к вошедшим, баюкая на груди плачущего новорожденного. Она сказала своим обычным, лишенным каких бы то ни было эмоций голосом, в котором, как всегда, не было и намека на бурю чувств, бушующую в этот момент в душе княгини:

– Я думала, вы заблудились по дороге, господа полицейские! Итак... Ребенок, как видите, слава богу, жив. Но его нужно срочно – вы слышите? – срочно отвезти в

мою больницу и поместить под круглосуточное наблюдение. Улица, ледяной ветер и холодный ливень – не самые хорошие декорации для появления на свет. Так что ребенок вполне мог простудиться. Дальше. Необходимо определить среди находящихся сейчас в больнице рожениц женщину с прибытком молока, которая согласится кормить мальчика столько, сколько потребуется. Если не захочет добровольно – сделайте что-нибудь. Прикажите, в конце концов!.. И займитесь этим немедленно, господа. Все необходимые показания относительно моих действий в качестве врача я готова дать полиции в любой удобный момент. Но только не сегодня. Увольте. Да... Еще одно... Вы обыскали погибшую? У ней были при себе документы?

– Никак нет! – вытянувшись во фрунт, словно перед начальником, пробасил городской. Повелительный тон, каким разговаривала княгиня, подействовал на полицейского как удар кнута на упрямого мерина. – Никаких документов! Только вот это. – Бугаев шагнул вперед и вытянул вперед раскрытую ладонь.

В его широкой кряжистой лапе лежал кулон в виде сердечка на тонкой серебряной цепочке.

– Обнаружено на шее! – пробасил Бугаев.

– Я поняла. Вы позволите? – из вежливости спросила Анастасия Михайловна и, не дожидаясь чисто формального ответа – разве мог этот туповатый мужлан сказать ей «нет»? – взяла кулон. С первого взгляда обнаружила, что сердечко – это не что иное, как «любимчик», надавила на крохотную защелку, которая откидывала переднюю часть кулона. Внутри, как и следовало ожидать, находился крохотный портрет мужчины, на вид ему было около тридцати. Но не рисованный, а по последней моде, вырезанный из фотографической карточки. На всякий случай запечатлев в памяти волевой подбородок и безусловно породистое, красивое лицо незнакомца с характерным глубоким шрамом над левой бровью, княгиня вернула кулон городскому.

– Скорее всего – муж. Или любовник. В любом случае, я уверена, что с опознанием тела проблем у вашего топтыгинского ведомства не возникнет. Судя по модной одежде и золотому колечку с крупным бриллиантом на пальце, несчастная барышня отнюдь не с Нарвской заставы или Веселого поселка. Да и мужчина весьма приметный... Так что в ближайшие сутки-двое в каком-нибудь из пятидесяти двух полицейских участков наверняка появится заявление от убитого горем отца или прочих родственников бедняжки. Исчезновение

благородной молодой особы, находящейся на восьмом месяце беременности в таком городе, как Санкт-Петербург, на исходе пятнадцатого года двадцатого века не может остаться незамеченным, – веско заметила княгиня. – У вас есть ко мне еще вопросы? – Анастасия Михайловна вопросительно вскинула брови на Бугаева.

– Никак нет! – рявкнул городской, щелкнув каблуками.

– Тогда ступайте на проспект, Павел, и немедля найдите для мальчика экипаж. Я в больницу не поеду. Что-то неважно себя чувствую. Мигрень. – Покровительственным кивком головы Анастасия Михайловна, даже не взглянув на второго полицейского и ихнего сморчка-доктора, разрешила городскому удалиться, не прекращая укачивать укутанного до самого носа, громко плачущего кроху. Мальчик хотел кушать...

Минули сутки, канули в вечность вторые, закончились третьи. И княгине Корсак, как и всем остальным участникам и свидетелям чудесного спасения малыша, стало совершенно очевидно, что насчет невозможности исчезновения в столице «благородной молодой особы» Анастасия Михайловна сильно ошиблась. В полицию Санкт-Петербурга не поступило ни одного заявления о пропаже беременной женщины в возрасте от шестнадцати до двадцати пяти лет. А на исходе третьих суток княгиня Корсак, заботливо следящая за здоровьем помещенного в их церковную больницу мальчика, прислушалась к своему внутреннему голосу и вдруг со всей очевидностью поняла, что в действительности она совсем не хочет, чтобы у спасенного ею малютки, умудрившегося все же простудиться и заболеть, отыскался убитый горем отец, разные там дедушки-бабушки и вообще какие-либо близкие и не очень родственники. Одинокая бездетная дама неожиданно осознала, что на сорок третьем году жизни ей предоставился второй, и, безусловно, последний в жизни шанс стать матерью. Странно, но до сих пор, за два десятка лет самого тесного общения с роженицами и их очаровательными малышами, Анастасии Михайловне ни разу даже не приходила в голову мысль о возможности усыновления сироты. Свой ребенок – это свой. Родимая кровинка. Половинка твоя от Бога. А чужой – он и есть чужой. Но сейчас понятие «чужой» вдруг перестало для нее значить хоть что-либо. Потому что этот слабенький, худенький, недоношенный карапуз с родимым пятнышком в виде звездочки на спинке просто приворожил ее!!! Анастасия Михайловна готова была, забыв обо всем на свете, находиться рядом с его кроваткой круглосуточно, дни напролет, лишь бы только иметь возможность прислушиваться к каждому

вздоху мальчика, внимать каждому его шевелению и по тону плача угадывать причину недовольства – или пора сменить мокрые пеленки, или малыш проголодался, или просто решил поплакать, без какой-либо причины. Потому что по велению матушки-природы так делают все без исключения новорожденные дети. Регулярный плач просто необходим им для развития дыхательной системы.

Она полюбила ребенка всей душой.

На исходе второй недели полиция, по настоянию извещенных о необычном ночном происшествии городских властей, поместила во всех петербургских газетах специальную заметку о розыске любых родственников погибшей под пролеткой женщины и уцелевшего малыша. Но и это, к тщательно скрываемой радости внимательно следящей за развитием событий Анастасии Михайловны, не дало результатов. Дюжина пустых заявлений, два из которых – о пропажах девиц легкого поведения, и всего одно реальное, к счастью закончившееся ничем опознание, – вот и весь итог. Не помогла прояснить ситуацию и обнаруженная на теле, в серебряном «любимчике», фотографическая карточка мужчины. Сам он так и не отозвался, и в полицейских архивах, как и следовало ожидать, не значился...

Но лишь месяц спустя княгиня решилась навестить единственного знакомого ей влиятельного столичного чиновника – главного полицмейстера города на Неве Кузьму Григорьевича Савельева – и попросить посильного содействия в усыновлении мальчика. Собираясь на важный прием, Анастасия Михайловна не без оснований рассчитывала на помощь Кузьмы Григорьевича, готовящегося, как писали газеты, вскоре уйти на пенсию: год назад она лично принимала сложнейшие роды у его единственной дочери, благодаря чему господин полицмейстер стал дедушкой сразу трех внучек. Однако, не слишком уповая на бывшее чувство благодарности и мгновенно покрывающиеся толстым слоем пыли клятвенные обещания «всяческого посильного содействия», а также хорошо зная, как именно нужно вести диалог при ходатайстве у высоких государевых чинов России, в сумочке Анастасии Михайловны на всякий случай лежало десять «катенек» – сторублевых ассигнаций, должных с гарантией и в кратчайшие сроки решить вопрос положительно.

На сей раз предположения Анастасии Михайловны полностью оправдались – едва увидев деньги, до того момента многозначительно морщивший лоб и важно надувающий щеки грузный, похожий на сточившего клыки старого моржа,

полицмейстер сразу заметно подобрел, приободрился, ничуть не стесняясь, пересчитал купюры, смахнул их в выдвижной ящик дубового стола и высказал уверенность, что проблем с усыновлением сироты не возникнет. Юридическую сторону вопроса полицмейстер, разумеется, целиком берет на себя. И – более того – специальным личным распоряжением обяжет всех посвященных в дело лиц под страхом каторги в письменной форме дать обязательство о неразглашении тайнства усыновления. На том и разошлись.

Спустя еще пять дней у княгини Анастасии Михайловны Корсак задним числом «родился» сын. Из розыскного дела неизвестного сиротки, появившегося на свет дождливой осенней ночью, прямо на асфальте, у сбитой конной пролеткой неопознанной женщины, по личному указанию полицмейстера были изъяты прилагающиеся к нему очень дорогое кольцо с бриллиантом и кулон, а также все упоминания о существовании на теле этих безделушек. Кулон с портретом неизвестного мужчины Кузьма Григорьевич лично передал Анастасии Михайловне при конфиденциальной встрече, а колечко странным образом... пропало. Что же касается заведенного полицией личного розыскного дела бывшего сиротки, то оно, изъятые из следственной части, было списано, и его – с глаз долой – зашвырнули в самый дальний и пыльный угол огромного полицейского архива Петербурга. Пусть мыши читают, сколько влезет.

Так спустя месяц после рождения вновь обретший семью мальчик наконец-то получил имя и первый в жизни документ. А также, согласно действующему закону Российской империи, унаследовал от матери титул. И стал зваться князь Ярослав Михайлович Корсак.

Глава 1

Профессор Леонид Сомов остановился, поправил съехавшие на кончик носа смешные роговые очки, за которые студенты прозвали его Ботаником, окинул внимательным взглядом студенческую аудиторию и после короткой паузы продолжил:

– Таким образом, на русский язык это нелитературное немецкое словосочетание дословно переводится как «устроить жабью лапку»!..

Студенты, как по команде, дружно захохотали. Сегодня они могли, не боясь получить злобный «неуд» по поведению, позволить себе некоторые вольности в дисциплине. Это была их самая последняя, заключительная лекция в пролетевшей словно одно мгновение бурной четырехлетней университетской жизни. Впереди, после коротких каникул, будущих дипломированных переводчиков с языка основоположника научного коммунизма товарища Карла Маркса ждали выпускные государственные экзамены и серьезная служба – в основном в структурах Наркоминдела и НКВД. И лишь немногие выпускники смогут применить полученные в альма-матер бесценные знания в сугубо гражданской жизни. Такова специфика текущего исторического момента. И таковы уже поступившие на будущих выпускников «сверху» заявки. Квалифицированных кадров в стране, как всегда, катастрофически не хватало.

– Однако, – для порядка чуть повысив голос, с легкой полуулыбкой резюмировал профессор, – это, как вы прекрасно понимаете, не более чем аллегория. И понятный каждому рядовому немцу истинный смысл этой фразы звучит следующим образом... Студент Корсак! Может, вы сможете перевести это выражение на понятный нам всем язык родных осин?!

– Я попробую. – Ярослав поднялся с места. В его карих глазах играли веселые огоньки. – Хотя не уверен в стопроцентной точности, но общий смысл понятен. Вроде как конец тебе, дядя. Допрыгался. Аналог сермяжного русского послания на три веселых буквы. Первая «ха». Ну, а дальше... вы сами знаете.

Аудитория дружно громыхнула. Кто-то, держась за живот, даже сполз под парту и забился там в истерике, стуча ботинками по крышке стола. Разве могло такое случиться месяц, неделю или даже всего три дня назад? Но сегодня им, выпускникам, дозволено многое. Последняя в жизни лекция. Самая неформальная за все четыре года...

– Да уж, в России живем. Слышать приходилось, неоднократно, – усмехнулся довольный ответом Сомов. Правда, заметил мимоходом: – Только не лично в свой адрес. Бог миловал.

Сокурсники снова заржали. И лишь один из всей аудитории, кроме самого Ботаника, уловил недоступный всем остальным сокурсникам скрытый смысл последнего уточнения Сомова. Бог действительно миловал. Но отнюдь не профессора, как однозначно подумали все двадцать семь студентов-выпускников. А как раз наоборот – того абстрактного придурка, который рискнул

бы, купившись на безобидный вид скромняги-преподавателя, неосмотрительно послать Леонида Ивановича по этому, самому популярному и короткому в нашей стране, адресу.

– Абсолютно точно, студент Корсак. – Сомов продолжал улыбаться. – Данное выражение обозначает открытую неприязнь и угрозу применения насилия в адрес того, кому оно адресовано. Теперь вопрос следующий: как поступить, если эта угроза высказана конкретно вам? Усложним, так сказать, ситуацию. Итак? Вам взяли и на полном серьезе пообещали устроить жабью лапку. Какими будут ваши ответные действия?

Смена темы произошла неожиданно, и нынешняя – по поводу реакции на оскорбление – в сути своей уже не имела ни малейшего отношения к изучению немецкого языка как такового. В этом зигзаге был весь Сомов. Поэтому столь резкий поворот темы мало кого из присутствующих удивил. Привыкли за четыре года к чудачествам, изредка происходящим на занятиях по профильной дисциплине.

– Итак? Я жду ответа. – Леонид Иванович сложил руки за спиной и выжидательно приподнял брови. – Кто готов высказать свое мнение? Смелее, смелее. Я не кусаюсь.

– Разрешите...

– Давайте, Корсак. Любопытно будет узнать ваше отношение к ситуации.

– Все, конечно, зависит от обстоятельств. – Слава чуть заметно хмыкнул, буквально физически ощущая на себе пристальный, испытующий взгляд самого неординарного профессора во всем огромном Ленинградском университете, за внешний вид получившего среди студентов-германистов смешное и чуточку обидное прозвище Ботаник. – Но если тебя посылают всерьез, есть лишь два варианта возможных действий: или молча и желательно очень быстро отправляться прямым по названному адресу, или без лишних слов сразу бить уроду в лицо. И делать это до тех пор, пока он не попросит прощения. Третьего не дано...

Аудитория, еще не окончательно успокоившаяся от гомерического хохота, чуть притихла, подобралась. Этот хладнокровный вечный одиночка и упрямец

Корсак, который ни разу за четыре года не дрался, но которого отчего-то втайне побаивались даже самые хулиганистые сокурсники, снова позволил себе вольность. Он вообще часто перегибал палку. И только блестящая, стопроцентная успеваемость – самая лучшая на всем выпускном курсе – гарантировала этому дерзкому типу некоторые послабления от более чем строгих ко всем остальным студентам преподавателей и комсомольского актива. Чем Корсак с успехом и пользовался, частенько вызывая своим поведением и отдельными репликами на лекциях открытое недовольство активистов. Однако до разборов на комсомольских собраниях и тем более далеко идущих «выводов» странным образом так ни разу и не дошло. Других, случалось, за сущую ерунду под орех разделявали, а этому – как с гуся вода...

– Что ж, возможно, вы правы, Ярослав, – после затянувшегося молчания наконец согласился со студентом профессор Сомов. И, уже обращаясь ко всем, назидательно сказал: – Реальная жизнь, с которой вы, без пяти минут специалисты, вплотную столкнетесь после выхода из этих заботливых стен, потребует от вас полного напряжения сил. Как духовных, так и физических. И от того, как вы себя зарекомендуете с первых же дней, как поставите себя в глазах окружающих и коллег, напрямую зависит вся ваша будущая карьера. И вся дальнейшая жизнь. Садитесь, Корсак... Оценок я сегодня не ставлю...

Ярослав, чувствуя на себе взгляды десятка пар глаз, опустил на скамью. Профессор Сомов взглянул на часы. До окончания лекции осталось две минуты. Вздыхнув, он сел за стол, взял лежащую там книжку и принялся листать страницы, старательно делая вид, что ищет что-то конкретное. На самом деле – просто убивал время...

Глава 2

Об их сугубо личных, не относящихся к учебе и не афишируемых отношениях со Славой Корсаком, начавшихся еще в середине первого курса, до сих пор не знал никто. Это была их общая мужская тайна. Последствия огласки могли оказаться крайне неприятными как для Ярослава, так и прежде всего для самого Леонида Ивановича. Ибо о его второй, тщательно скрываемой от посторонних глаз, стороне жизни до сих пор не знал никто. Даже всемогущий и всевидящий Боров. Он же – ректор университета Илья Борисович Цепкалов.

И только Ярославу Ботаник доверил свои секреты.

Их дружба началась три с половиной года назад. Как-то, после очередных занятий по немецкому языку, Корсак, как он сам позже признался, давно обративший внимание на специфический внешний вид рук профессора и до сих пор «зревший» для конфиденциальной беседы с глазу на глаз, умышленно остался последним в мигмом покинутой сокурсниками после звонка аудитории и, убедившись, что рядом нет посторонних ушей, подошел к сидящему за столом Сомову и, без всяких предисловий, прямо в лоб, спросил, недвусмысленно кивнув на грубые желтоватые мозоли, покрывающие костяшки пальцев профессора:

- Вы занимаетесь китайской борьбой?

И тут же продемонстрировал чуть заметно дернувшему щекой и поднявшему лицо Леониду Ивановичу свои собственные кулаки с похожими, но сильно уступающими в плотности и давности появления, характерными мозолями. Больше слов не требовалось. Это было открытое приглашение к серьезному мужскому диалогу. Диалогу двух случайно встретившихся посвященных.

Сомов медленно снял делающие его похожим на неуклюжего ботаника очки – как давно догадывался наблюдающий за ним Слава – с самыми обыкновенными стеклами вместо линз. Нарочито медленно протер покрасневшие от усталости глаза, внимательно взглянул на стоящего перед ним высокого скуластого паренька с падающей на глаза непослушной челкой. Пристально взглянул, цепко, словно видел Славу впервые в жизни. Затем скосил взгляд на руки Корсака. Задумчиво нахмурил брови. Оглянулся через плечо на распахнутую настежь дверь аудитории, вздохнул и снова устался в книгу, переворачивая страницу. И лишь спустя несколько томительных секунд, когда Слава уже мысленно смирился с тем, что его затея вызвать Ботаника на откровенность с треском провалилась, Леонид Иванович очень тихо, словно боялся, что их услышат, произнес:

- Через двадцать минут. На трамвайной остановке в сторону центра.

И, как ни в чем не бывало, перевернул страницу внушительного тома в потертom кожаном переплете. Как успел заметить Ярослав, это был оригинальный цитатник с избранными местами из многочисленных речей Ленина. Своего рода квинтэссенция наследия великого вождя.

Нельзя сказать, что столь краткий, но более чем исчерпывающий – куда уж конкретнее! – ответ Сомова удивил Славу. Больше заинтриговал неким налетом таинственности. Но в то же время давал шанс на скорую разгадку. Не теряя времени даром, Слава сразу же покинул университет и, зачем-то постоянно оглядываясь в поисках несуществующей слежки – откуда и с чего ей вдруг взяться? – поспешил к месту встречи с профессором, ощущая, как в его груди стремительно расплзается предательский холодок, вызванный предчувствием скорых и кардинальных перемен, которые обязательно произойдут в его жизни после грядущей приватной встречи с Ботаником. В том, что Леонид Иванович, вопреки традиционной людской логике изо всех сил пытающийся казаться не лучше, а хуже, чем он есть на самом деле – таким невзрачным мухомором, с кое-как заштопанной дыркой на штанине, – на самом деле является тем самым Мастером, о счастливой встрече с которым он, давно и неизлечимо «болеющий» китайской борьбой самоучка, мог лишь мечтать, Слава уже почти не сомневался. На умело маскирующегося сумасшедшего с манией преследования преподаватель «дойча» точно не тянул. А значит, у Сомова есть веские основания вести себя именно так, а не иначе.

Как вскоре выяснилось, интуиция Корсака не подвела.

Леонид Иванович оказался единственным из преподавателей университета, который сразу же, с самых первых занятий, вызвал у юного студента-первокурсника неосознанные пока чувство расположения. Подобное испытываешь только к самому близкому тебе человеку. И как профессор, не только блестяще знающий свой предмет, но и, что гораздо более ценно, умеющий его подать, и как неординарная во всех отношениях личность. Разглядеть которую под умышленно надетой в качестве своеобразной маскировки личиной рассеянного и целиком замкнутого на своих безобидных тараканах в голове «книжного червя» смог бы только тот, кто умеет зреть в корень. Ярослав Корсак умел. Поэтому ничего удивительного, что в ничем, казалось бы, не примечательном, одетом неуклюже и старомодно, ни при каких обстоятельствах не повышающем голос и не теряющем самообладания Ботанике всегда тяготеющий к сильным, неординарным личностям Слава с первого взгляда увидел не только интеллект, но и скрытую огромную внутреннюю силу. Причем как духовную, так и чисто физическую. А замеченные им на руках Сомова характерные мозоли – от частых отжиманий на кулаках и работы с боксерской грушей без защитных перчаток – лишь подтвердили правильность первого впечатления и сделанных исходя из его выводов. Именно так, как Леонид Иванович Сомов, по мнению Славы, и должен выглядеть в повседневной жизни настоящий русский сэнсэй мало кому известной в Ленинграде древней

китайской борьбы ушу...

К месту встречи со Славой профессор – этакий вечно сутулящийся subtilный интеллигент-очкарик, в стоптанных ботинках и черном пальтишке на рыбьем меху, с потертым портфелем в руке – опоздал на семь минут. Встретившись взглядом с ожидающим его студентом, профессор словно невзначай приложил указательный палец к губам и чуть заметно кивнул на с грохотом выползающий из-за поворота трамвай. Подождал, пока вагон, от обилия заклепок похожий на бронепоезд, остановится, помог женщине поднять коляску с ребенком и самым последним из толпы ожидающих зашел внутрь. Корсак, которого странное поведение Ботаника уже откровенно интриговало, с удовольствием принял предложенные правила игры, буквально секундой раньше запрыгнув в трамвай через заднюю дверь и встав в конце вагона, сразу же стараясь найти взглядом Леонида Ивановича. Впрочем, долго искать Сомова не пришлось – профессор, вежливо извиняясь и ловко, как уж, скользая через толпу, уже пробирался в его сторону.

Оказавшись рядом, Ботаник поставил портфель под ноги и, с хитринкой взглянув на своего студента, чуть снисходительно улыбнулся:

– Привет. Куда едешь?

– Да так. По делам, – улыбнувшись в ответ, непринужденно пожал плечами Слава. Ситуация его забавляла все больше и больше. – А вы?

– Я на следующей выхожу.

– Так и я на следующей.

– Значит, по пути...

Когда трамвай остановился, они вышли из вагона и молча направились к раскинувшемуся через дорогу, красно-желтому от холодного дыхания осени скверу. Сели на свободную скамейку. Не сговариваясь, каждый в отдельности, огляделись по сторонам. На расстоянии двадцати шагов в округе не было ни души. Слава молчал, терпеливо ожидая, когда Сомов первым начнет разговор. Профессор не заставил себя долго ждать. Убедившись, что их не слышат посторонние, Леонид Иванович сложил руки на груди, испытующе и, как

показалось Славе, с явным интересом посмотрел на своего студента и вдруг неожиданно похвалил:

– А ты молодец, Корсак. Наблюдательный. Откуда ты знаешь про китайскую борьбу? Если мне не изменяет память, в Ленинграде... да и, видимо, вообще в СССР, нет ни одного физкультурного общества, где ее преподают. – Сомов приподнял брови и вопросительно воззрился на парня, ожидая ответ.

– Моя мама с трех до семнадцати лет жила в Харбине, – сообщил Слава, глядя прямо перед собой. – Дедушка служил там вице-консулом. Когда его отправили на пенсию, они вернулись в Петербург, и дед привез с собой очень много книг. Целую библиотеку. В том числе и очень старые книги, на китайском. Некоторые из них с годами потерялись, другие продали, но кое-что осталось у мамы. Среди того, что осталось, были две книги тибетского монаха Лао Цзы. Когда я был маленьким, то любил их рассматривать. Особенно картинки. Там изображены позы для медитации и приемы борьбы ушу. Мне это сразу показалось интересным, но я был слишком маленьким – всего семь лет – и не понимал ничего. Мама, хорошо знающая китайский, переводила. Мне понравилось. С ее помощью я стал потихоньку изучать иероглифы и научился читать и разговаривать сам. Практиковался с Вонгом. Был такой старый китаец, раньше продавал специи и травы на Сытном рынке. Мы случайно познакомились, мне тогда было двенадцать лет. Я просто шатался по рынку, увидел его желтую сморщенную физиономию, и меня словно за язык дернуло. Сколько, спрашиваю, женьшень стоит? По-китайски. А он глаза от изумления вылупил. И отвечает: пятнадцать рублей за корешок. Так и познакомились. В тридцать пятом Вонг исчез куда-то... В общем, начал я потихоньку понимать, что к чему, медитировать, как описано в книге. Изучать философию воина. Ну и пошло-поехало...

– Поразительно! – улыбнулся, покачав головой, Сомов. Повторил с благоговением: – Лао Дзы. Великий Учитель. И где же – и главное, с кем – ты занимался все это время?

– Сначала дома, – смущенно дернул уголком рта Слава. – Когда в квартире стало тесно, начал выезжать в Стрельну. На берег залива. На природе гораздо лучше.

Леонид Иванович с интересом разглядывал сидящего рядом студента и вдруг неожиданно произнес фразу по-китайски.

Слава ухмыльнулся. Коротко ответил. Всего одним словом. А как еще прикажете отвечать, когда тебя спрашивают, какое сейчас время года? Конечно, осень.

– Bravo, Корсак. – Профессор, не удержавшись, легонько ткнул Славу кулаком в плечо. – Прямо самородок, да и только. Язык выучил. И сколько же лет ты уже практикуешь наследие Лао Дзы?

– Восемь, наверное. Для серьезной практики мне всегда не хватало сэнсэя, – признался в своей главной проблеме Слава. – А вы? – заметно осмелев после своей исповеди, он поднял взгляд на профессора. – Давно?..

– Как сказать, – задумчиво протянул Леонид Иванович, посерьезнев. – Со школы, класса с пятого. Я ведь не коренной ленинградец. До этого сначала в Хабаровске жил, затем во Владивостоке. А в тех краях всегда было много китайцев и корейцев. И некоторые из них серьезно занимались восточными видами борьбы.

– А-а... откуда тогда взялся немецкий язык? – не удержался от вполне логичного вопроса Слава.

– Здесь все просто, на самом деле, – дружелюбно улыбнулся Сомов. – У меня мать русская, а отец – немец. Морской инженер. Йохан фон Соммер. Так что я с детства свободно разговариваю на двух языках. А имя... Просто в СССР быть Леонидом Ивановичем Сомовым гораздо удобней, чем Леоном Йохановичем фон Соммером. Согласись. – И тихо, чуть слышно добавил – Особенно сейчас. – После чего словно невзначай резко сменил тему: – Скажи, Слава. Эти книги... Лао Дзы, они до сих пор у тебя?

– Да. Они дома. – Корсак кивнул. – Это самое ценное, что у меня есть. Мама хотела их продать известному городскому букинисту с Садовой в тридцать втором, когда были проблемы с продуктами, но, видя, как они мне дороги, не посмела.

– И правильно сделала! Слушай, Слава... Ты не мог бы дать их мне почитать? Я обещаю, что буду обращаться с ними очень бережно и верну в целостности и сохранности. Ну как? По рукам?

– А вы станете моим сэнсэем? – неожиданно спросил, а по сути, выдвинул встречное условие Слава. Корсак заглянул в зелено-голубые, как лазурь, глаза

профессора, стараясь прочитать в них ответ раньше, чем он будет озвучен самим Сомовым.

– Ты мне льстишь, парень, – вздохнул Леонид Иванович. – Я не такой большой мастер, как тебе кажется, и вряд ли могу быть чьим-либо сэнсэем. – Ботаник медленно провел ладонью по своей коротко постриженной бородке. На кисти явственно просматривались грубые желтоватые мозоли. Пробормотал тихо: – Однако, возможно, мы сможем быть интересны друг для друга не только как преподаватель и студент. Как насчет пробной совместной тренировки?

– Я буду очень рад.

– Ладно. Считаю, договорились. – Ботаник бросил взгляд на наручные часы. – У меня, вообще-то, комната на Васильевском острове. В Гавани. Но тренироваться я выезжаю за город. Есть одно уютное местечко... Завтра в университете короткий день, все лекции закончатся уже в двенадцать тридцать. В три часа жду тебя на Московском вокзале. У второго перрона. Не забудь книги и сменную одежду. После тренировки в баньку мою ходим, отхлещу тебя веником. Ч-черт, заинтриговал ты меня, честное слово. Мне уже не терпится посмотреть, чему ты научился в гордом одиночестве. Ха-ха!..

Профессор снова дружески хлопнул парня по спине, решительно встал со скамейки, поднял свой потертый портфельчик.

– Я буду, обязательно. – Слава тоже поднялся. Он с искренней благодарностью смотрел на Ботаника, и его глаза светились счастьем. – Спасибо, Леонид Иванович!!!

– Только уговор, – подняв указательный палец, вполголоса сказал профессор и, словно между прочим, снова цепко осмотрелся. – Будет лучше, если про нашу сегодняшнюю и завтрашнюю встречи не будет знать ни одна живая душа. Даже твоя мама. Иначе у нас обоих могут возникнуть очень серьезные проблемы. Ты меня хорошо понимаешь?

– Да, Леонид Иванович, – кивнул Слава. – Не волнуйтесь. Я знаю, сколько стоит сегодня неосторожное слово, и умею держать язык за зубами.

– Тебе- верю. Иначе бы меня здесь не было. Ну, что? Тогда – до завтра. – Сомов протянул Корсаку ладонь. – Как говорится: вам – налево, а мне – направо. Пока...

Ярослав до сих пор помнил это самое первое рукопожатие своего будущего сэнсэя – жесткое, сухое, невероятно сильное, без капли высокомерного снисхождения к менее опытному. Впрочем, справедливости ради стоит сказать, что уже в тот памятный октябрьский день их встречи с Сомовым ладонь семнадцатилетнего первокурсника Славы Корсака отнюдь не напоминала хилую цыплячью лапку. Напротив – сжатая в кулак, она с кажущейся легкостью ломала два поставленных друг на друга кирпича. Что и было продемонстрировано изумленно приподнявшему брови профессору сутки спустя...

Встретившись на следующий день в оговоренное время на Московском вокзале, Слава и Леонид Иванович сели в пригородный поезд и доехали на нем почти до самой крохотной деревушки Метелица, расположенной в полчаса езды от Ленинграда. Большую часть домов здесь составляли пустующие после закрытия сезона летние дачи. Несмотря на относительную близость большого города, в будни, к тому же слякотной поздней осенью, здесь было совсем немногочленно. Если не сказать – пусто. За те примерно полчаса, которые студент и профессор, стараясь не ступать в лужи, не спеша шли от станции до деревни, на глаза им попались лишь два бредущих по раскисшей дороге к станции сильно подвыпивших мужика, рядом с которыми семенила ножками маленькая бледная девочка со сломанной куклой в руке...

Когда петляющая дорога пошла под горку и у подножия холма показалась речушка, Сомов кивнул на приземистый, выкрашенный в синий цвет маленький одноэтажный домик по левой стороне от утопающей в липкой грязи узкой проселочной дороги:

– Ну, вот мы и на месте!

Входная дверь дома, к удивлению Корсака, оказался заперта на «бумажный» замок, который можно было открыть первым подобраным с земли ржавым гвоздем. Да и внутри загородное жилище Леонида Ивановича оказалось более чем спартанским – кухня, одна комната с печкой и двумя окнами, минимум мебели, радио на стене. Но что больше всего поразило Славу – это книги. Их в доме Сомова было, наверное, несколько тысяч. Они лежали и стояли повсюду – на высоком, до потолка, сосновом стеллаже у стены, на каждом из подоконников, на обеденном столе и даже на полу, связанные в аккуратные

стопки.

– Вы много читаете, – оглядевшись, почтительно заметил Корсак.

– Что верно, то верно, – согласился Сомов. – Люблю я это дело. В смысле знаний и новой информации. Шопенгауэр однажды сказал: «Человеческий мозг, так же как и физическое тело, постоянно нуждается в тренировке, в новых знаниях. Без них он деградирует. Это похоже на подъем по ледяной горке – если ты изо всех сил не карабкаешься вверх, то обязательно съезжаешь вниз». И я думаю, что этот умный немец был абсолютно прав!

– Хорошее сравнение с горкой, – улыбнулся Слава. – Вообще-то оно запросто подойдет не только к развитию умственных способностей. Например, к занятиям спортом. Так вообще можно сказать почти обо всем – или ты прогрессируешь, или неизбежно деградируешь, – пожал плечами Корсак.

– Логично. – Леонид Иванович слегка подтолкнул юного гостя к двери в сени. – Пойдем, покажу тебе свой личный спортзал. Ты первый из гостей, кто переступит его порог, – сообщил с полуулыбкой Сомов. И добавил чуть тише, словно самому себе: – У меня здесь вообще редко бывают гости. Можно даже сказать, что их нет совсем...

– Лучше будь один, чем вместе с кем попало? – обернувшись к Леониду Ивановичу, спросил Ярослав, озвучив расхожее высказывание кого-то из великих философов древности.

И тут же пожалел об этом. Какое он, сопливый семнадцатилетний студент, имеет право обсуждать личную жизнь профессора? А ведь вырвалось же. Трепло!

Однако Сомов, казалось, воспринял реплику парня вполне нормально:

– Именно так. Уж лучше одному. Сарай слева от бани видишь? Нам туда. – Профессор пошарил рукой под крышей крыльца и вытащил длинный черный ключ.

В отличие от дома сарай имел крепкую, обитую железным листом дверь с мощными петлями, закрытую на тяжелый амбарный замок. Неказистое снаружи, кажущееся ветхим и убогим, местами даже поросшее мхом деревянное строение, живущее двойной жизнью, так же как и его хозяин, внутри являло собой полную противоположность своему внешнему облику – это был самый настоящий маленький спортзал. С застеленным гладко оструганными досками ровным полом, перекладиной для гимнастических упражнений, подвешенным к потолку на крюке толстым карабельным канатом, двумя различными по весу брезентовыми мешками с песком для отработки ударов и даже похожим на многорукое пугало обмотанным тряпками замысловатым манекеном, служащим для той же самой цели. С потолка свисала электрическая лампочка. В дальнем углу Слава заметил приставленную к крюку в стене широкую наклонную доску с брезентовой петлей в верхней части, для тренировки мышц брюшного пресса, гири, пару гантелей, обернутую суконным армейским одеялом скамью и даже самодельную штангу с набором дисков.

– Ну, как тебе моя берлога? – спросил Сомов, не без удовольствия наблюдая произведенный на мальчишку эффект.

– Нет слов, – кивнул Корсак. Глаза его жадно и азартно блеснули. Особенно когда он смотрел на манекен. – О таком тренировочном оборудовании может мечтать любой боец.

– Хм... Тогда переодевайтесь, юноша! – предложил профессор, кивая на вбитые в стенку два толстых гвоздя. – И можете пока размяться. А я баню затоплю. Как раз согреется...

Сомов вернулся минут через десять, уже в футболке и трико, весь пропахший дымом. Убедившись, что сверкающий выступившим на лице потом мальчишка достаточно разогрелся для активных телодвижений, Ботаник сбросил ботинки и предложил провести мягкий, ознакомительный, условно-контактный поединок. Для Славы Корсака настал момент истины. Он впервые получил возможность попробовать свои силы с настоящим соперником.

Леониду Ивановичу хватило полминуты, чтобы оценить уровень подготовки Славы, спустя полгода встреч на уроках немецкого языка добровольно открывшегося ему с совершенно неожиданной стороны. Несмотря на огромное количество грубейших технических ошибок, вызванных «кустарным» характером прошлых тренировок и отсутствием партнера,

потенциал Корсака, как самоучки, оказался гораздо выше, чем мог себе представить профессор еще пять минут назад. Казалось просто невероятным, что таких успехов в овладении приемами можно достигнуть в одиночку, без наставника, на старых китайских книгах великого учителя Лао Дзы и истовом юношеском энтузиазме. Таким, какой бывает лишь в ранней безусой юности...

В очередной раз отразив удар и проведя молниеносный захват соперника, Сомов мягко опрокинул Корсака на пол, отступил на шаг и махнул крест-накрест рукой.

– Довольно. Ты – молодец. Честно говоря, я ожидал худшего. Но ты меня удивил. Что-нибудь еще умеешь?

– Кирпичи ломать, – поднявшись с пола, скромно пожал плечами Корсак.

– И сколько?! – приподнял брови Ботаник. Сюрпризы следовали как из рога изобилия.

– Один. Иногда два. Как получится.

– Интересно, – хмыкнул Сомов. Вышел из сарая. Вернулся, неся с собой мокрую от дождя, широкую и толстую доску. Бросил ее на пол, снова вышел и принес два кирпича. – Давай!..

Деревяшку, удерживаемую Леонидом Ивановичем перед грудью в вытянутых руках, Слава легко переломил надвое ударом ноги с разворотом. С кирпичами же пришлось повозиться чуть дольше – они поддались лишь по одному. К тому же от волнения и, как следствие, недостаточной концентрации удар не получился правильно, и теперь у Славы сильно болела рука. Видя, что парень легко травмирован и сильно расстроен такой «неудачей», и без того удивленный Сомов не выдержал, подошел, по-отцовски, с широкой улыбкой, потрепал Славу по голове и сказал:

– Все здорово! Отлично. Ты просто прирожденный ниндзя.

– Кто я? – В глазах Корсака сразу мелькнул неподдельный интерес.

– Японский профессиональный убийца-невидимка, – ответил Сомов. – Элита. Лучше них нет никого. Они сильны, как боги, и неуловимы, как ветер. – Профессор сдернул с гвоздя застиранное полотенце и протянул мальчишке. – Будет время, я расскажу тебе о ниндзя подробней. Мой учитель был в свое время воспитанником ушедшего на покой ниндзя. Лучшего на Окинаве. Сейчас оботрись слегка, и милости прошу в баньку. Там уже жарко, как в пекле. И веники березовые в тазу отмокли.

– А вы были в пекле? – с улыбкой спросил Корсак.

– Я много где был, парень... Слишком много для одного...

– Я еще никогда в жизни не был в русской бане, – признался Слава. – У нас дома ванная. А родственников и друзей в деревне нет вообще.

– О-о, даже так?! – весело встрепенулся Сомов. – Ну, в таком случае сейчас, юноша, вас ждет одно из самых ярких приключений тела и духа. Вперед!

Обратно в Ленинград, опьяневший от обилия впечатлений, смертельно уставший, но необычайно счастливый, Слава уехал на самом последнем идущем в сторону Северной Пальмиры рейсовом автобусе, к остановке которого его проводил Сомов. Транспорт уже не ходил, и до дома, где как пить дать ждала, не смыкая глаз, мама, предстояло идти пешком через весь центр города.

В том, что Анастасия Михайловна не ложилась, ожидая возвращения сына, Слава не сомневался – слишком хорошо знал мамин характер. Впрочем, допоздна он задерживался крайне редко и, как правило, всегда предупреждал. Но сегодня, отправляясь на встречу с Ботаником и помня о данном профессору обещании хранить их встречи в тайне, Слава не оставил матери записку и не предупредил, что задержится. Значит, придется скрепя сердце лгать, сочинив более-менее убедительную версию причины своего столь позднего возвращения домой. Однако, как назло, в занятую совершенно другими мыслями голову ничего путного не лезло. Разве что... сказать маме, что он начал встречаться с девушкой? А что? Пожалуй, это подойдет. Как-никак уже восемнадцатый год...

Срезая путь и сворачивая с пустынной улицы в мрачную арку проходного двора, Слава не сразу заметил отделившиеся от стены и заслонившие ему проход два темных силуэта. Две тени. И только голос – грубый, хриплый, надменный –

заставил его вынырнуть из своего внутреннего мира в мир реальный и остановиться:

- Эй, фраерок. Куда это ты так торопишься? Тормозни-ка. Закурить есть?

В полумраке проходного двора разглядеть лица заступивших дорогу людей было совершенно невозможно. Но угадать, что последует вслед за ответом «не курю», можно было безошибочно. Слишком типичная ситуация. Ночь. Проходной двор. Одинокий прохожий и двое угрюмых подонков, от которых за километр разит дешевым вином.

Сзади что-то зашевелилось. Слава оглянулся. Еще одна тень - третья - отлипла от дверной ниши за его спиной, отрезая будущей жертве путь к отступлению. Что ж, понятно. Если рвануть назад и попытаться убежать - придется гасить одного. Если рвануть вперед - двух. Если остаться на месте - тогда трех.

- Не курю, - буркнул Слава, как ни в чем не бывало шагнув вперед и делая вид, что намеревается быстро прошмыгнуть вдоль обшарпанной стены арки во двор.

Как и следовало ожидать, эти уроды сразу двинулись наперерез.

- А ну стоять!!! Нет сигарет - давай кошелек!!! И часы!!! - жестко потребовал все тот же голос. - Иначе хана тебе, фраерок, живым отсюда не выйдешь.

- Выворачивай карманы! - поддержал второй, сверкнув в полумраке железной фиксой. - Что в сумке?!

- Спортивная одежда, - спокойно сказал Слава. - Потная и вонючая. Майка, брюки, носки. Хочешь понюхать?

- Че... чего?! - Недоносек, ожидавший совершенно другой реакции, явно не сразу сообразил, что именно ему предлагают. А когда, спустя долгие две секунды, до его гладкого куриного мозга наконец-то дошло, что взятый на гоп-стоп плюгавый фраерок откровенно издевается, грабитель буквально взревел от ярости - Да я же тебя, с-сука!.. Бей его, пацаны!

Больше он ничего не сказал. Просто не успел. Короткий прямой в челюсть заставил подошвы битюга, бодро ринувшегося в драку, на миг оторваться от щербатого асфальта. Он пролетел добрых два метра, прежде чем мешковато рухнул навзничь, дрыгнув ногами и затих. Вслед за первым последовал другой удар, на сей раз уже ногой, в боковую часть бедра второго грабителя. Громко хрюкнув, поделник сломанной куклой повалился на бок, рыча от дикой боли. Стоявший позади Корсака третий грабитель не мог от страха сделать ни шага. Так и застыл на месте, громко и судорожно икая. Слава обернулся, потер о раскрытую ладонь левой руки пылающую, травмированную во время «показательных выступлений» у Сомова кисть правой и решительно шагнул навстречу. Отпускать этого подонка так просто он не собирался. В уличных драках великодушные победителя категорически недопустимо. Потому как всякая тварь, гниль рода человеческого, понимает лишь метод грубой силы. Корсак слишком хорошо знал: окажись на его месте неспособный постоять за себя типичный обыватель – и молить о пощаде жаждущих почесать кулаки подонков, даже в обмен на добровольно отданные ценности, было бы бессмысленно. Не видать бедолаге сострадания, как своих ушей. Вкупе с выбитыми зубами, отнятыми деньгами и снятыми с руки часами.

Видимо, Слава был слишком уверен в своем превосходстве, слишком рано расслабился, посчитав, что угроза миновала и разобраться с безвольно застывшим парализованным хулиганом не сложнее, чем чихнуть. Иначе ни за что бы не утратил бдительность и не позволил внезапно рванувшемуся в сторону подонку сунуть руку в карман, достать «выкидуху», выщелкнуть лезвие и явно набитым долгими тренировками резким и точным броском метнуть нож ему в живот. Лишь в самый последний миг Корсак успел сделать резкое движение корпусом, так что острое, как бритва, лезвие распороло пальто и застряло в нем, в каких-то паре сантиметров от печени, лишь слегка порезав поясницу. Это стало последней каплей, которая переполнила чашу его злобы. Он без труда настиг попытавшегося выбежать из арки подонка, ударом в коленный сгиб сбил его с ног, нагнулся, рывком перевернул на спину, надавил коленом на грудь, выдернул торчавший в боку, успевший напиться крови нож и приставил алое лезвие к горлу своего несостоявшегося убийцы. Прошипел сквозь плотно сжатые челюсти:

– Молись, тварь. Если умеешь...

– Не убивай! Не надо! У меня дома жена и маленький ребенок! – заверещал грабитель. – Прости, прости, брат! – И позорно разрыдался, пустив сопли. А

вдобавок намочил штаны.

Упоминание о ребенке, семье и едкий запах растекшейся мочи подействовали на готового совершить непоправимое Славу как холодный душ. Он на мгновение прикрыл веки, поднял их вновь, смерил ненавидящим взглядом искаженную гримасой ужаса испитую, опухшую физиономию мужика лет двадцати пяти и медленно отвел руку с ножом от его кадыка, конвульсивно дергающегося под колючей кожей. И тут же резким движением наискосок, слева направо, рассек подонку лицо, навсегда оставив неизгладимую метку в память о сегодняшней ночи. После чего нарочито тщательно обтер лезвие о драную телогрейку уроды, уперся острием в асфальт, загнал его обратно в рукоятку до щелчка и машинально сунул нож в карман своего пальто. Обернулся, наблюдая, как один из очухавшихся подельников прижатого к асфальту меченого – тот, которому от души прилетело в бедро, – пытается встать, ругаясь, охая и придерживаясь за стену. Третий грабитель по-прежнему лежал поодаль без движения, в глубоком нокауте.

– Черт с тобой, живи, – глухо сказал Корсак, убирая колено с груди подонка и поднимаясь на ноги. Раненый бок горел так, словно его ошпарило кипятком. – Скажи спасибо своему ребенку. И жене. Тля навозная...

Слава поднял сброшенную на асфальт сумку, закинул ее на плечо и, чуть прихрамывая от полыхающей в боку боли, направился в глубь длинного проходного двора-колодца.

Мама, конечно, до сих пор не спала – ждала его возвращения домой. Когда Слава вошел в квартиру, часы на комод в гостиной показывали уже без четверти два. Едва переступив порог и встретившись взглядом с выбежавшей навстречу встревоженной мамой, он вдруг почувствовал сильное головокружение, присел на табуретку и – тут же потерял сознание...

Когда очнулся, обнаружил себя лежащим на кровати. В окно комнаты ярко светило солнце. Рядом с постелью сидели двое – мама и молодой, чуть старше Славы, милиционер в форме. Лейтенант. Заметив, что сын пришел в сознание, бледная, явно не сомкнувшая все это время глаз мама неожиданно всхлипнула, прижала к лицу скомканный в ладони платок и – улыбнулась:

– Как ты себя чувствуешь, сынок?

– Нормально. Не волнуйся, мам. – Слава попытался улыбнуться в ответ. – Долго я тут валяюсь?

– Восемь часов. Когда ты упал в обморок, я вызвала неотложку. Доктор обработал и зашил твою рану. Говорит, что порез неопасный, в больницу тебе не обязательно. Но ты потерял очень много крови, так что придется какое-то время полежать дома. – Анастасия Михайловна посмореела на лейтенанта. – С тобой хотел поговорить товарищ из милиции.

– Здравствуй, Слава, – хмуро кивнул мужчина. – Я должен снять с тебя показания для протокола.

– Надеюсь, товарищ лейтенант разрешит мне присутствовать? – в своей обычной, не терпящей возражений манере уточнила Анастасия Михайловна.

– Это не запрещено, – разрешил милиционер. Раскрыв лежащую на коленях папку, лейтенант достал чистый бланк, ручку и принялся задавать вопросы по анкете. Записав все данные Славы, перешел непосредственно к ночному нападению:

– Расскажи подробно, кто, где и при каких обстоятельствах нанес тебе ножевую рану? Имена, приметы? Важна любая деталь.

– Я иногда езжу на Финский залив. В Стрельну. – Вспомнив о навсегда оставленной на лице грабителя ножевой отметине, Слава решил не давать участковому никаких зацепок. В конце концов подонки уже получили свое. – Гуляю, занимаюсь гимнастикой, бегаю вдоль моря. И возвращаюсь домой уже затемно. Так было и вчера. Я приехал поздно, трамвай уже не ходил, пришлось идти до дома пешком. Решил срезать путь, через проходной двор. – Корсак назвал адрес арки. – Подошли двое, лиц я не разглядел – темно было. Выпившие. Разило сильно. Спросили закурить. Я ответил, что не курю. Потребовали деньги и часы... Завязалась драка. Когда они сообразили, что не справятся, один достал нож и ударил меня в бок. Я пришел домой и потерял сознание. Это все.

– Хорошо дерешься? – хмыкнул лейтенант.

Корсак неопределенно дернул щекой: мол, куда уж нам, сырим и убогим. Просто так вышло. Развивать тему милиционер, к счастью, не стал. Спросил только:

– Оpoznать этих скотов сможешь?

– Вряд ли. – Слава качнул головой. – Я же говорю – темно было. Ни лиц, ни примет я не запомнил.

– Взяли что-нибудь? – Лейтенант что-то быстро записывал в протокол.

– Не успели. Со стороны улицы слышались голоса, и эти подонки предпочли удрать. Больше мне нечего добавить, товарищ лейтенант.

– Ладно. Будем искать, – вздохнул без особого энтузиазма милиционер и протянул Славе ручку: – Черкани здесь. – Взглянул на подпись, убрал протокол в папку и поднялся. – Выздоровливай. Когда понадобишься, тебя вызовут повесткой. До свидания.

– Я провожу вас. – Анастасия Михайловна направилась вслед за лейтенантом к входной двери. Вернулась. Села возле постели сына. Посмотрела ему в глаза. Спросила спокойно, без тени укора:

– Почему ты не сообщил про нож, который я нашла у тебя в кармане пальто? Все произошло не совсем так, как ты описал?

– Не совсем, – подтвердил догадку матери Слава.

– Ты... убил кого-нибудь из... них? – тихо спросила Анастасия Михайловна. – Или покалечил?

– Нет. Все живы и почти здоровы. Не волнуйся. Я чист перед законом.

– Тем более не понимаю. Если тебе нечего бояться, почему ты не рассказал всю правду? Ты... был не один? – вдруг предположила Анастасия Михайловна. Ее вдруг осенило: – Ты был там с девушкой, сынок?! Я права?!

Слава не стал лгать матери. Просто во второй раз чуть дернул уголками губ. Вроде как улыбнулся. Но эта гримаса опять странным образом подействовала. Больше по поводу ранения мама вопросов не задавала. Да и в милицию его так

ни разу и не вызвали. Уголовное дело, видимо, безнадежно зависло...

Однако сам Ярослав, уже спустя две недели после драки появившийся в университете и после лекций поехавший с Сомовым в Метелицу, еще долго ловил себя на мысли, что, идя по Питеру, непроизвольно всматривается в лица всех встречных мужчин от двадцати до сорока лет – не по этой ли физиономии прошла наискосок, оставив свою несмываемую отметину, лежащая сейчас в запертом ящике письменного стола зэковская «выкидуха»? И только спустя год-полтора это преследующее его наваждение постепенно сошло на нет, пропало. Жизнь шла своим чередом. В судьбе переходящего с курса на курс Славы Корсака появлялись и исчезали, сменяя друг друга, теперь уже самые что ни на есть реальные девушки. Он дважды в неделю регулярно наведывался в загородный домик Леонида Ивановича, тренировался, усиленно готовился к выпускным экзаменам, и единственный из всего на редкость непутевого курса имел реальный шанс окончить университет с красным дипломом, получить гарантированное распределение в Наркоминдел. Возможно, даже уехать на службу в Москву. Хотя, положив руку на сердце, Ярослав не особенно горел желанием покидать Ленинград.

Надежды на светлое будущее, на карьеру переводчика рухнули за секунду. За мгновение. Это случилось в самый последний учебный день, во время заключительного, больше похожего на веселый шутливый диалог старых друзей занятия по немецкому языку, которое, как и четыре года подряд, вел его Учитель – сэнсэй и единственный близкий друг профессор Сомов.

Глава 3

Ботаник отложил книгу, снял очки, протер глаза и посмотрел на часы. До окончания лекции оставалось максимум пара-тройка минут. Дверь аудитории неожиданно распахнулась. Без стука. Вошли двое парней-первокурсников с красными повязками на рукавах – дежурные по университету, в чьи обязанности входило следить за порядком и, как это принято называть, «своевременно докладывать» ректору о нарушениях дисциплины студентами. Будь то курение в туалете, драки, происходящие время от времени в ближайшем дворе, или неосторожно оброненные грубые высказывания в адрес преподавателей. Визит дежурных в аудиторию, за минуту до конца лекции, изначально не предвещал

ничего хорошего. В аудитории стало тихо. Выпускники замерли в ожидании.

– Ярослава Корсака – к Илье Борисовичу Цепкалову! Срочно! – с порога заявил один из парней и, повернув шею, принялся шарить глазами по аудитории с таким деловым видом, словно давно знал Славу в лицо и мог указать на него пальцем.

– Корсак. – Профессор Сомов вздохнул, нахмурился: – Вас просит зайти ректор. Вы можете быть свободны. Всего доброго. Удачных экзаменов.

– Спасибо, Леонид Иванович.

Корсак поднялся, убрал конспект в портфель и направился к двери. Ухмыляющийся первокурсник посторонился и молча кивнул на дверь. Когда Слава вышел в коридор и решительно направился к кабинету ректора, дежурные шли по бокам, словно конвоиры. Только винтовок в руках не хватало и клацающей зубами овчарки на коротком поводке для полноты картины. Довели до обитой кожей широкой двойной двери, после чего самый шустрый постучал, дождался разрешения войти, воровато сунул голову в щель и доложил Цепкалову, что приказание выполнено – студент Корсак доставлен пред светлые очи главного университетского начальника.

Прозвенел звонок, извещающий об окончании последней на сегодня пары лекций. Решительно оттолкнув плечом откровенно упивающегося своей «общественно полезной» миссией конопатого придурка, Корсак вошел в кабинет и прикрыл дверь. Спросил сдержанно:

– Вызывали, Илья Борисович?

И тут заметил, что кроме старика Цепкалова в залитом солнцем просторном кабинете находится какой-то незнакомый тип с квадратной челюстью, в мешковато сидящем на нем гражданском костюме. Слава почему-то сразу подумал, что этот неприятный даже на вид человек с лицом сталевара гораздо больше привык к военной форме, чем к партикулярным шмоткам. В груди почуявшего неладное Славы промелькнул холодок. Присутствие в кабинете Цепкалова этого неандертальца с офицерской выправкой не сулило ничего хорошего.

– Да, войдите, Корсак. – Смерив его затравленным, почти испуганным взглядом, Илья Борисович с опаской кивнул на незнакомца: – С вами хотел встретиться товарищ капитан Береснев. Из НКВД.

По спине Корсака пробежал холодок. «Товарищ из НКВД» отхлебнул чай из стоящего перед ним стакана в подстаканнике, вальяжно поднялся со скрипнувшего стула, характерным жестом – словно поправляя гимнастерку – одернул полы пиджака, подошел к окну, сцепил руки за спиной и принялся, как маятник, покачиваться с носков на пятки.

– Ты ничего не хочешь мне сказать, Корсак? – наконец спросил он, не оборачиваясь.

– Извините, товарищ капитан. Но я действительно не понимаю, в чем дело, – собрав волю в кулак, чувствуя, как предательски дрогнул голос, заверил Слава. – Я ничего противозаконного не совершал...

Он прежде всего подумал о профессоре Сомове и их делящихся уже три с половиной года совместных тренировках по школе ниндзюцу. Другой причины, способной вызвать интерес Чека к его более чем скромной фигуре, Ярослав просто не находил.

– Неужели? Ну-ну. – Береснев выдержал долгую, гнетущую паузу, прежде чем отвернулся от окна, достал из кармана серебряный портсигар, привычно, не спрашивая разрешения, закурил и прищурился от попавшего в глаза дыма, поедая стоящего посреди кабинета Славу холодным взглядом пустых водянистых глаз.

– За двенадцать лет службы впервые сталкиваюсь с такими провалами в памяти. Сын врага народа, живущий с ним бок о бок всю свою жизнь, и даже понятия не имеет, почему им заинтересовался НКВД. Что язык проглотил, а, Корсак?!

– Я... не понимаю... – Перед глазами Славы все мгновенно померкло, предметы и люди закачались. Ему показалось, что у него зрительная и слуховая галлюцинация.

– Не прикидывайся идиотом. Я веду речь о твоей матери, Корсак Анастасии Михайловне! – жестко выплюнул капитан. Добавил, зло щурясь: – Или ты не

знаешь, что сегодня утром она была арестована? По указу Совнаркома, предусматривающему наказание в виде расстрела для лица, ближайший родственник которого незаконно сбежал из страны за границу! А также по указу от седьмого августа, предусматривающему еще десять лет лишения свободы за воровство народного имущества.

- Мама?! Это какая-то чудовищная ошибка. Она - не вор. Она врач... Давно уже на пенсии, но до сих пор работает в больнице... Акушеркой...

- Ты хотел сказать - работала, - с ухмылкой прирожденного садиста поправил Береснев. - Точнее - занималась вредительством путем хищения народного имущества в особо крупных размерах!.. Ничего, с врагами народа быстро разберется Особое совещание. А вот с тобой, персонально, разберусь я сам! И не здесь, не в этих стенах, - давил металлическим, бездушным голосом капитан. - Через полтора часа у меня важная встреча во Всеволожске. Конвоя тоже нет. А везти тебя в следственный изолятор НКВД на своей машине мне не по пути, да и времени в обрез. Так что считай, что тебе крупно повезло, Корсак. Ночевать будешь дома. Пределов Ленинграда не покидать! Завтра, ровно в восемь утра, ко мне на допрос. - Береснев назвал адрес и номер кабинета. - А прямо сейчас могу сообщить, что ты отчислен из университета без допуска к экзаменам, без права получения диплома и последующей работы в государственной системе, во благо нашей Советской Родины. Дети врагов народа не имеют права служить Отечеству, которое продали их родители!

- Товарищ капитан прав, - не удержался от реплики ректор, торопливо промокающий скомканным носовым платком влажный, блестящий от пота лоб. - Вы отчислены, студент Корсак. Без права восстановления. За документами зайдете в канцелярию, к секретарю.

- Тебе все ясно? - скрипнул зубами «товарищ из НКВД» и щелчком указательного пальца, словно невзначай, стряхнул прямо на паркетный пол пепел папиросы. - Вопросы есть?!

Славе показалось, что земля стремительно ушла у него из-под ног. Похоже, кое у кого, принимающего решения там, на самом верху, неизлечимая болезнь мозга и прогрессирующая мания преследования. Что окружающий его такой цветной и многогранный мир вдруг окончательно и бесповоротно сошел с ума. Как могло оказаться, что мама, его милая, добрая, любимая мама, всю свою жизнь помогающая появляться на свет детям, вдруг оказалась вором?! Что такого она

украдала?! Что же касается родственников за границей, то, насколько ему известно, они покинули пределы России сразу же после революции. Указ же, предусматривающий огромный срок близким сбежавшего изменника, вышел всего три или четыре года назад...

Как все ленинградцы, Слава был наслышан о внезапно приезжающих среди ночи и забирающих людей черных грузовиках. «Черных воронах». Эти люди просто исчезали. А три месяца назад крыло «ворона» промелькнуло совсем близко – с параллельного курса была отчислена девушка, Майя Корбут. Ее отца, инженера-конструктора с Кировского завода, объявили врагом народа. Но это все происходило как бы в параллельном мире, таком абстрактном и далеком от их с мамой крохотного, уютного земного мирка, что казалось не более чем чужим кошмарным сном. О котором можно шепотом поговорить, но который не представляет для тебя ни малейшей опасности. И вдруг – этот внезапный арест. По надуманным, чудовищным обвинениям!

Сглотнув застрявший в горле комок и не узнав своего севшего голоса, Слава прошептал:

– У мамы нет близких родственников, за последние двадцать лет эмигрировавших за пределы СССР. И она... она просто не способна на какое-либо воровство... Я уверен, что произошла ошибка!!!

– Та-а-ак. Интересно. Ты что же это, Корсак, сомневаешься в объективности нашего советского правосудия?! – подобрался Береснев, в два шага приблизился вплотную к Славе, нависнул сверху всей своей громадой и жарко дыхнул в лицо едким табачным перегаром. – Или мне это послышалось?! Молчишь... Скажи спасибо, что тебя не арестовали вместе с матерью. А пока всего лишь отчислили из университета. Пусть даже и накануне выпускных экзаменов!

Жадно затянувшись, Береснев выпустил в лицо Славе едкие клубы дыма. Корсак подавленно молчал, плотно сжав челюсти, играя желваками и невидящими глазами глядя сквозь капитана, в никуда. Он уже понял – апокалипсис состоялся. Изменить ничего нельзя. Но любое неосторожное слово в этом опасном разговоре может стоить ему не только свободы.

– Можешь проваливать. Завтра к восьми. Кабинет номер сорок девять, – смерив Корсака долгим, пристальным взглядом, буркнул Береснев. – И не пытайся

удрать. Не получится.

- Скажите, - помедлив, Слава все-таки решился, - я смогу ее увидеть?

- Это исключено, - жестко отверг Береснев. - Никаких свиданий до вынесения обвинения. Вот закончится следствие, тогда и повидаетесь. Может быть, - хмыкнул капитан.

Слава плохо запомнил, как покинул здание университета, дважды окликнутый удивленно глядящими ему вслед приятелями-сокурсниками, как шел по улицам центральной части города, ничего не видя и не слыша вокруг себя, как поднимался по широкой лестнице на третий этаж старинного доходного дома купчихи Гиацинтовой.

Очнулся он только тогда, когда увидел приоткрытую входную дверь их с мамой квартиры и валяющийся у порога, варварски смятый лист бумаги с отпечатавшимся на нем отчетливым следом подошвы - часть своей почти завершённой дипломной работы. Слава сразу все понял. После ареста мамы в квартире был произведен обыск. Уходя, доблестные служаки из НКВД оставили дверь открытой. Пусть грабят. Враг народа - уже не советский гражданин и не человек. И даже не животное. Он хуже. Он - презираемое всеми пустое место.

Слава поднял с порога покрытый ровными машинописными строчками лист, бережно расправил его, сложил пополам... и тут его слух уловил доносящийся из квартиры шорох. Внутри определенно кто-то был. Значит, обыск еще не закончен?!!

Широко распахнутая Славой входная дверь даже не скрипнула. А коврик на полу прихожей смягчил его шаги. Корсак вошел и остановился на пороге гостиной, шокированный представшей перед ним картиной.

После проведенного обыска в квартире царил полный хаос. Все вещи были беспорядочно раскиданы по полу, ящики комода выдвинуты, книги разбросаны, подушки выпотрошены, повсюду летал пух, а пол кроме кучи хлама усыпан осколками битого стекла и посуды. Но отнюдь не учиненный чекистами беспорядок заставил Корсака крепко, до боли в скулах, стиснуть челюсти и сжать кулаки.

Возле комода, спиной к прихожей, стоял сутулый субъект в нахлобученной на бритую голову черной кепке и, натужно сопя, торопливо заталкивал в подобранную тут же, в соседней комнате, Слаvinу спортивную сумку мамино теплое пальто с кроличьим воротником. Из карманов его пиджака торчали серебряные ложки и свисал край тонкой цепочки. Легко проникший в открытую квартиру вор явно торопился успеть закончить свое дело до прихода хозяев. Но ему не повезло – сзади послышался скрип половицы. Резко обернувшись, вор встретился прищуренным взглядом со Славой. Сообразив, что попался, он скривил скуластую рожу и чуть слышно выругался:

– Т-вою мать... Явился, бля. Сучонок.

– Сумку положи. – Плещущаяся в зрачках Славы лютая злость не предвещала ничего хорошего.

Вор понял: о мирном и бескровном разрешении ситуации можно и не мечтать. Поэтому послушно бросил сумку с торчащим из нее рукавом пальто, обернулся лицом к хозяину квартиры, выпрямился и тыльной стороной ладони смахнул прилипшее к влажному лбу перо, вылетевшее из подушки.

– Легавых звать будешь? – спросил он глухо, затравленно. – Так напрасно. Я плюну им в рожу, скажу, что впервые в жизни вижу и тебя, и эти шмотки. Свидетелей-то нет. Попробуй докажи. Кто тебе поверит? После обыска. Вражина... Скоро сам следом за ней к стенке отправишься! Так что лучше уйди с дороги, щенок. Целее будешь.

Слава шагнул вперед, левой рукой резко схватил вора за отворот пиджака, а правой сильно врезал кулаком в живот. Кепка слетела с бритой головы. Вор перегнулся пополам и захрипел, колени его подогнулись, но Корсак не позволил ему рухнуть на пол. Вместо этого дал возможность чуть отдышаться и спросил, выплевывая слова, как пули:

– Откуда ты, ублюдок, знаешь про мать? Считаю до трех. Потом останешься без своих поганых яиц. Раз!..

– Да... у нас... квартира... напротив твоей, бля! Коз-зел... – судорожно харкая, прохрипел вор. – Три дня... как... въехали! На место... бывших!

Слава разжал пальцы и выпустил воротник бритоголового. Тот кулем свалился на пол, скрючился и зашелся в судорожном, надрывном кашле. С оттопыренной нижней губы свисала длинная тягучая слюна. Однако, пойманный с поличным, вор не тратил времени напрасно – пытаясь восстановить дыхание, он попутно торопливо вытаскивал распиханные по карманам предательски торчащие наружу старинные ложки и раскидывал их по сторонам. Слава взирал на происходящее отстраненно, словно смотрел приключенческое кино в ДК Кировского завода. Сил злиться уже не было. Он был полностью опустошен и безразличен ко всему происходящему. Только еще раз обвел глазами комнату и с тоской подумал, что окружающий его мир точно сошел с ума. Окончательно и бесповоротно.

Вот такой сюрприз, значит. Сосед. Из квартиры напротив. Слава вспомнил, что несколько дней назад оттуда действительно съезжали, вынося вещи, их бывшие соседи по лестничной площадке – пожилая супружеская пара. Оба – бывшие музейные работники, пенсионеры. Их единственный сын, военный летчик, командир эскадрильи подполковник дядя Саша, незадолго до этого получил назначение к новому месту службы в Малороссию, кажется, в Харьков. Там героическому асу предоставили целый дом, и он уговорил-таки пожилых родителей переехать к нему. Освободившееся жилье тут же, спустя сутки, заняли другие люди. Как случайно обмолвилась позавчера вечером мама – «три брата с Веселого поселка, сироты». Один из этих честных трудовых гегемонов, видимо, находясь поблизости и случайно услышав разговор чекистов во время обыска, воспользовался удобным моментом и после ухода сотрудников НКВД попытался обчистить их оставленную открытой, перерытую до основания квартиру. А сейчас, тварь гнусная, валяется и хрипит у Славы под ногами.

Корсак брезгливо поморщился, схватил за шкурку очухавшегося, уже подобравшего с пола кепку вора, рывком поставил его на ноги и процедил в самое лицо:

– П-шел вон отсюда! Подонок. – Ярослав хотел уже было толкнуть его взашей к двери, наградив напоследок увесистым пинком в зад, но тут его взгляд упал на до сих пор торчащую из бокового кармана соседа серебряную цепочку. Выдернув ее, Слава обнаружил висящий на цепочке кулон в виде сердечка. Это был состоящий из двух половинок тайничок-«любимчик». В таких безделушках сентиментальные женщины носят на груди портреты мужей, любимых мужчин или детей. Слава открыл увиденный им впервые в жизни кулон, ни на йоту не сомневаясь, что внутри находится именно его – скорее всего, детская –

карточка.

Но увидел закрытую тщательно пригнанным кусочком тонкого стекла фотографию совершенно незнакомого мужчины с тонкой ниточкой усов над верхней губой и глубоким, сразу бросающимся в глаза даже на таком крохотном снимке шрамом над левой бровью. Кто бы это мог быть? Всех маминых родственников Слава знал в лицо по снимкам еще с раннего детства. Кто-то уже умер, другие, спешно покинув Россию сразу после революции, жили где-то за границей. В далекой Бразилии и, кажется, еще в Великобритании. Неужели в Чека вдруг... вспомнили? Бред. Полный бред...

Корсак, не моргая, смотрел на крохотный фотопортрет. Лицо этого мужчины казалось знакомым. Однако, едва увидев его, Ярослав вдруг ощутил, как в груди больно защемило сердце. Этот меченый тип, несомненно, похож на него. Нельзя сказать, что «как две капли воды», но сходство более чем очевидно. У Славы даже на миг возникло странное, почти мистическое ощущение, будто он случайно заглянул в волшебное кривое зеркало, делающее людей на много лет старше. Неужели...

Отец. Тот самый мимолетный мамин ухажер, о котором она предпочитала ничего не говорить. Был, мол, и сплыл. Такова жизнь. А повзрослевший и тактичный Слава в душу к маме не лез. У него никогда не было двух родителей. Он даже не знал настоящего имени этого чужого, не существовавшего в его жизни изначально, с самого первого вдоха, человека. Даже свое отчество – Михайлович, записанное в метрике с легкой руки мамы, принадлежало прадедущке – известному в прошлом в Российской империи дипломату Михаилу Сергеевичу Корсаку.

– А ну стой! – Решительно схватив вора, Слава ткнул кулон в лицо бритоголового. – Где ты это взял?! Убью, падла!!!

– Там, – буркнул вор, дернув головой и тщетно пытаясь вырваться из сомкнутых на горле железных клещей. – В цветочной вазе, на комод! Отпусти, сука! Всех вас, гадов, буржуев недобитых, пора к ногтю прижать!

Слава скрипнул зубами. Смерил подонка ледяным взглядом и медленно разжал едва не сведенные судорогой пальцы.

Почувяв слабину, тот со всех ног ломанулся в прихожую, споткнулся, свалив табурет, выбежал через распахнутую дверь на лестничную клетку и тут же скрылся за громко хлопнувшей дверью на другой стороне этажной площадки, ляпнув напоследок еще что-то гнусное по поводу «нэпмановского отродья». Он, похоже, совсем не боялся милиции. Знал, скотина, – заявление о попытке кражи публично оплеванной сосед подавать не станет. А если и станет, в милиции посмотрят на его, Славы, каракули как на использованную туалетную бумагу и даже пальцем не шелохнут, сунув заяву под сукно. С врагами народа и членами их семьи у Советского государства разговор короткий. Первых – к стенке или в Сибирь, медленно гнить на великих комсомольских стройках. Вторых – лишить всего и подвергнуть общему гражданскому презрению. Чтобы от них, как от тифозных и прокаженных, шарахались даже бывшие друзья...

Спрятав цепочку в нагрудный карман, Слава закрыл дверь, на ватных ногах вернулся в гостиную, обессиленно опустился на стул, уронил лицо в ладони и беззвучно зарыдал, наконец-то дав себе возможность выплеснуть горе.

Сегодняшний день он не забудет до гробовой доски. В этот день у него отобрали все – маму, будущую профессию, веру в светлое будущее, обещанное каждому советскому человеку злобным коротышкой-вождем. Цепные псы которого вдруг объявили маму вне закона. Вне их закона.

За более чем три года тесного общения с профессором Сомовым Ярослав научился на многое происходящее вокруг смотреть под другим углом, и научился видеть правду. Делиться такими мыслями с кем бы то ни было, даже с матерью, было слишком опасно. Все приходилось держать в себе. Сегодня то, о чем он смутно догадывался, обернулось страшной реальностью. Слава окончательно убедился: окружающий мир насквозь фальшивый. Это иллюзия. Блеф! Сказка для идиотов.

Когда стало чуть легче, он встал, умылся и, оглядевшись, принялся за уборку. На приведение после обыска маленькой двухкомнатной квартирki в относительный порядок у него ушло больше двух часов. Закончив, Корсак закинул на плечо заполненный почти полностью перьями, битой посудой и мусором мешок из-под картошки, скользнул тяжелым взглядом по двери «братьев-сирот из Веселого поселка» и спустился по лестнице во двор...

Мусорные баки стояли в дальнем углу двора, за примостившимся возле трех раскидистых тополей деревянным сараем, где дворничиха тетя Клава хранила

свой рабочий инвентарь. Когда Ярослав проходил мимо, то увидел, что дверь сарая приоткрыта. Клавдия – одетая в замызганный синий фартук поверх кофты, пышнотелая, некрасивая одинокая женщина в возрасте «чуть за сорок пять» – сидела на ящике и гипнотизировала пьяным взглядом стоящий на другом ящике стакан, на треть заполненный водкой. Рядом, на газете, возвышалась початая поллитра и лежала краюха черного хлеба. Дворничиха тоже заметила проходящего мимо Славу, и ее мутный взгляд сразу же странным образом прояснился. Она махнула ему рукой, бросила торопливым сиплым шепотом:

– Славик! Зайди... И глянь: есть кто вокруг?!

– Нет. Никого, тетя Клав. – Ярослав, лицо которого было бледно-серым от пережитого, нехотя сбросил мешок с мусором на землю и вошел в сарай. – Здравствуйте.

– Садись, милый. – Женщина кивнула на свободный ящик у стены, наполнила единственный стакан до половины, подождала, пока Слава присядет, и протянула ему водку. – Выпей. Тебе сейчас нужно держать себя в руках. Эх, горе-то какое, господи! Кто бы мог подумать?!

– Простите, но я... не пью. Совсем, – отказался, мотнув головой, Ярослав. – Вы уже знаете про маму?

– Так разве ж шило-то в мешке утаишь?! – всхлипнула, утерев пухлой ладонью вмиг повлажневшие глаза, дворничиха. – Когда их тут целых пятеро, в форме, нагрянуло. С бумагой из НКВД и ключами от квартиры. Еще хорошо, что старший ихний ко мне зашел, предупредил дворника, мол, обыск. – И тут же тихо, едва слышно добавила, с ненавистью: – Сволочи. Душегубы проклятые!!!

Слава смотрел вниз, на утопанный, грязный земляной пол и молча играл желваками.

– Ну... не хочешь пить – пусть. Дело хозяйское, – вздохнула Клавдия и одним махом опростала половину стакана. Занюхала корочкой и пристально, с сочувствием уставилась на сидящего напротив, убитого горем парня. Наконец сказала, снова перейдя на хриплый шепот: – Я вот что думаю, Славочка. Неспроста этот арест-то. Просто так хороших людей не забирают. А только когда кто-то, змей подколодный, донос на них грязный пришлет. Анонимный. Мол, так

и так, довожу до вашего сведения, что своими ушами слышал, как такая-то прилюдно ругала партию и лично дорогого товарища... – Дворничиха резко замолчала и многозначительно ткнула пальцем в потолок. Добавила, уже заметно спокойнее: – А фамилию свою, дескать, здесь не указываю, потому что боюсь возмездия со стороны вражеских пособников. Понял? Так-то. Вот и кумекай, кому и когда Михайловна, мать твоя, могла дорогу перейти. Сволочей и завистников во все времена достаточно было.

– У мамы не было врагов, – тихо прошептал Слава. – Она была совершенно неконфликтным человеком. Да и завидовать нам не в чем. Вы сами знаете, как мы живем. Жили...

– Не скажи, – мотнула головой дворничиха. – Всякое бывает. В общем, сам думай.

Помолчав, Клавдия спросила:

– Что делать-то теперь станешь? Здесь ведь житья тебе уже не будет, милый.

– Мне завтра утром на допрос, – глухо сообщил Корсак. – Если не посадят... наверное, уеду из Ленинграда.

– Ну... может, оно так и лучше, – хмуро кивнула Клавдия и смахнула сбежавшую из глаза слезу. И – застыла, молча уставившись на стакан с остатками водки и целиком погрузившись в себя.

– Я пойду, тетя Клава. – Ярослав встал. – Спасибо вам. Добрая вы.

Дворничиха даже не шелохнулась. Он отодвинул ящик обратно к стенке, развернулся и вышел из сарая. Подхватил мешок с мусором, донес его до переполненных мусорных баков и направился домой. Проходя по двору, Корсак почти физически ощущал, как, опасливо прячась за шторами, из окон их дома смотрят, провожая его любопытными, сочувствующими или откровенно злорадными взглядами, сразу несколько пар человеческих глаз.

Когда первая волна перенесенного Славой потрясения схлынула, навалилась тягучая апатия. Тело было вялым, словно набитая лоскутками тряпичная кукла. Не хотелось ни есть, ни пить, ни думать о безрадостном будущем, которое, если уж быть до конца объективным, фактически наступило. Слава просто лег на диван, заложил руки за голову и долго смотрел в открытое окно на проплывающие по оранжево-синему вечернему небу мягкие кучевые облака. Он умышленно гнал от себя всякие мысли. Знал, всецело веря просветленному разуму великого Лао Дзы, – когда придет время, постоянно включенное на протяжении всей человеческой жизни подсознание подскажет самый разумный выход. Самый правильный шаг к единственно верной дороге. А менять ему предстоит многое. Если не сказать – все.

Старинные часы на комодe пробили десять вечера.

Слава незаметно погрузился в сон, оказавшийся совершенно не похожим на все виденные им до сих пор. Ему снилось, что он замурован в темном, тесном и лишенном воздуха могильном склепе и отчаянно пытается вырваться оттуда. И даже, странным образом безошибочно ориентируясь в этом непроглядном мраке, знает, как это сделать, но ничего не выходит. Единственная дверь оказывается запертой. Он не может больше дышать, силы покидают его. Становится очень холодно. Отовсюду веет смертью. Слава уже понимает, что обречен. Собрав остаток сил, он в последний раз толкает запертую дверь, но тщетно. Он проваливается в безвременье, в забытие, и тут происходит чудо – сначала он слышит чьи-то голоса, затем одна из стен темницы раздвигается, впуская в склеп яркий поток света. Чьи-то невероятно огромные, теплые и ласковые даже на вид руки бережно подхватывают его, уже совсем неподвижного, свернувшегося в комочек, и вытаскивают наружу. А там, на свободе, идет дождь. Ливень. И прежде чем сверху над ним стремительно развернулся гигантский купол, несколько огромных, как мяч, холодных капель попадают Славе на лицо и почему-то обнаженное, выпачканное в чем-то липком, но не неприятном тело. Его, крохотного, торопливо укутывают в шерстяную ткань, рывком поднимают ввысь, прижимают к гулко стучащему сердцу и куда-то несут, кажется, даже бегом. А он все понимает. Он хочет разлепить губы, сказать – но не может. Силы покидают его. В следующую секунду сверху снова мягко опускается уже не кажущийся окончательным бархатный черный саван...

Корсак проснулся, открыл глаза и рывком сел на кровати. За окном совсем стемнело. В небе висела голубая луна. Медленно раздулась от ветра штора. Или от сквозняка? Сердце бешено колотилось, пульс отдавался в каждой клеточке

тела. Слава провел ладонью по лицу – оно было совершенно мокрым и холодным от пота. Он был готов поклясться, что проснулся не сам по себе – его что-то разбудило. Но что? Испытывая странные чувства, Корсак на некоторое время даже перестал дышать, вслушиваясь в окружающую тишину, и после короткого ожидания уловил-таки донесшийся из прихожей явственный щелчок замка на входной двери.

Кто-то пытался проникнуть в квартиру при помощи отмычки!!! И, судя по характерному звуку капитулировавшего замка, знал толк в подобных грязных делах.

Ну уж нет! Второй воруага за день – это слишком.

Ярослав бесшумно соскользнул с дивана, на цыпочках пробежал через гостиную и спрятался за стенкой, вжавшись в нее затылком и приготовившись одним точным ударом нокаутировать взломщика, как только тот перешагнет порог комнаты.

Входная дверь квартиры между тем чуть слышно скрипнула, открываясь. На несколько секунд повисла тишина – вор явно прислушивался, – и лишь затем в прихожей послышались сначала осторожные шаги, а после едва различимый шепоток. Услышав смутно знакомый хрипловатый голос, Слава ощутил, как по спине пробежала холодная волна, а внутри, напротив, все буквально заклокотало от злости. Вот оно, значит, как!!! Ночных визитеров оказалось двое. И более того – личность одного из них уже не представляла из себя загадку. Соседушка с бритой башкой!!!

Не угомонился, стало быть, тварь. Решил, призвав на подмогу специалиста, вернуться под покровом ночи и поквитаться за зело оскорбительное для блатного хулиганья прикосновение ботиночной подошвы к заднице. Как пить дать – кроваво поквитаться. Раз и навсегда.

Шаги приближались. В дверном проеме показался осторожно крадущийся, опасно озирающийся в поисках беспомощной спящей жертвы темный силуэт. В проникающем из окна лунном свете отчетливо блеснула сталь готового напитаться крови ножа. Следом, сторожко вжимая голову в сутулые плечи, в гостиную выглянул второй. Пора!

Корсак резко отделился от стены, метнулся, схватил за запястье вытянутую вперед, сжимающую нож руку бритоголового, одновременно подбив ему ногой коленный сгиб и «уронив» на колено. Рванув руку вверх и назад, до хруста, заставил пальцы разжаться. Перо глухо стукнулось о паркет, отлетело в сторону. Звук падения финки потонул в громком крике боли. На все про все ушло не больше секунды. Быстро закончив с более не представляющим опасности бритоголовым, Слава тут же переключился на успевшего отпрянуть назад в прихожую подельника и без особого труда достал того ногой в ухо, в прыжке.

Взломщик с грохотом влетел спиной в смягчившую удар вешалку с верхней одеждой и вместе с ней, сорвавшейся с гвоздя, рухнул на пол, накрытый с головой тряпками. Можно было слегка перевести дух. Прежде чем приступить ко второй части незапланированного урока хороших манер.

Что делать с этими подонками дальше, вопроса даже не стояло. Отпускать второй раз, после того как тебе, спящему, едва не перерезали горло, – глупо. Милосердие тоже имеет предел. Убивать или калечить – можно бы, да чревато осложнениями. В его нынешнем положении с властью лучше разойтись краями. Значит, выход один – пусть бандюгами занимается милиция. Ближайший телефон находился у Софьи Лазаревны, желчной соседки-кошатницы с пятого этажа.

– Bravo! Bravo! – вдруг неожиданно раздалось совсем близко. Из угла, от двери кладовки, отделилась и уверенно шагнула в центр прихожей еще одна – третья-тьень. В прижатой к поясу руке мужчина держал пистолет. – Ба!.. Знакомые лица!.. Сколько лет – сколько зим! Уже, признаться, и не думал, что свидимся, а оно вон как вышло. Ну, что же ты больше не прыгаешь, орел?! Или очко на измену играет?!

Проникающего в прихожую из гостиной голубого лунного света оказалось вполне достаточно, чтобы застывший в дверном проеме Слава смог разглядеть до поры находящегося в арьергарде еще одного визитера, о существовании которого даже не догадывался. И не только разглядеть, но и, услышав более чем странную реплику, узнать...

Этот косой, идущий через все лицо глубокий шрам, оставленный «выкидухой», забыть было невозможно. Корсак оставил его три с лишним года назад на лице метнувшего в него перо уличного грабителя. Вот, значит, как... То-то мурло проникшего в квартиру вслед за НКВД бритоголового соседа на какой-то миг

показалось ему смутно знакомым. Выходит, вся троица снова в сборе. И двое первых уже отдыхают, так же как и во время предыдущей, едва не стоившей Ярославу жизни, встречи в арке проходного двора. Эти вне игры. Зато третий, самый хитрый и предусмотрительный, полностью контролирует ситуацию благодаря «стволу».

Хорошенькие игры. Навылет.

О том, что ждало его этой ночью, не проснись он случайно от скрежета открываемого отмычкой замка, Слава старался не думать. Ответ очевиден. Смерть.

– Я вижу, представляться мне не надо. Что ж. Со свиданьем... Назад, в комнату, живо!!! – скомандовал человек со шрамом и нетерпеливо дернул пистолетом. – Дважды повторять не буду!!!

– Что вам от меня надо? – нехотя повиновавшись, процедил сквозь плотно сжатые губы Ярослав.

– А ты догадайся с трех раз, – хмыкнул, скривив обезображенное лицо, «крестник». Grimаса сделал его страшную физиономию еще более отвратительной. – Так получилось, фраерок...

Человек со шрамом бросил быстрый взгляд на подельников, один из которых до сих пор пребывал в нокауте под грудой тряпья, а другой, тихо скуля и матерясь, сидел на полу и баюкал сломанную и выдернутую из плечевого сустава руку.

– Хотели мы тебя, вражину трудового народа, за все хорошее вырубить, связать и отхарить в очко, по очереди, физию до кучи кончинами залив. Сам бы потом, если на голову нормальный, в петлю залез. Не выдержал... Да только, видать, другая у тебя судьба. Отделаться только порванной жопой, паря, уже не получится. Ведь к сукам легавым сразу побежишь, а нам это фуффло совсем ни к чему. Так что кердык...

«Крестник» деловито покачал головой. Держа Славу на мушке, быстро наклонился, поднял с пола упавшее с вешалки старое драповое пальто и накрыл им пистолет. Корсак почувствовал, как у него мгновенно пересохло и заскребло в горле.

Решение – единственно верное в данной ситуации – пришло внезапно. Как о том и учил великий Лао Дзы.

Громко всхлипнув и отчаянно запричитав, как последняя дрожащая тварь, Слава рухнул на пол и, истерично вопя, быстро-быстро пополз к меченому. Тот явно не ожидал такого развития событий и, как следствие, потерял пару драгоценных секунду.

– Не убива-а-ай!!! Я сделаю все, что ты хочешь!!! У-у-у-у!!! – успел жалобно выкрикнуть Корсак, прежде чем дистанция сократилась до вполне достаточной для молниеносного броска. Бандюга – надо отдать ему должное – в последний миг раскусил этот хитрый ход и даже успел нажать на спусковой крючок, но было уже слишком поздно. Прыгнувший на него волком, снизу вверх, намертво вцепившийся в руку, сбивший на пол и навалившийся сверху всем телом Корсак добился-таки своего – выпущенная пуля ушла в стену, угодив точно в грудку упавшей с вешалки одежды. Завязалась ожесточенная драка. Ставка победы – жизнь, оба это понимали и потому бились яростно. Рыча, как попавший в капкан зверь, Слава только с третьей попытки сумел выбить «ствол» из руки заметно превосходящего его габаритами мужика, при этом, судя по истошному реву, сломав тому палец. Затем ловко извернулся, обхватил шею извивающегося, как гадюка, «крестника» мертвой хваткой и давил, давил, скрипя зубами, что было сил, до тех пор, пока подонок не дернулся в последний раз и не затих...

Осознание совершенного убийства пришло, навалилось всей своей черной тяжестью гораздо позже. А сейчас, отпустив труп с широко раскрытыми, вылезавшими из орбит глазами и торчащим наружу синим языком, Слава поднял револьвер, пошатываясь как пьяный и придерживаясь одной рукой за стену, встал, посмотрел на убитого шальной пулей взломщика и с видом палача ввалился в гостиную. Умолять его о пощаде в эту секунду было так же бессмысленно, как убеждать капитана НКВД в абсурдности вынесенного маме приговора. Сидящий на пятой точке бритоголовый – бледный, словно простыня, – понял это со всей очевидностью. Враз позабыв про висящую плетью вдоль тела изувеченную руку, он отчаянно взвизгнул, зашлепал губами и, быстро отталкиваясь от пола ногами, буксуя на паркете, словно камчатский краб, в ужасе попятился задом к окну. До тех пор, пока не уткнулся спиной в чугунную батарею и окончательно не сник.

Слава, в голове которого звонили колокола, а глаза застилал плотный кровавый туман, медленно приблизился, тяжело и шумно дыша. Ударил бритого ногой в горло, чувствуя, как легко ломается, с хрустом вдавливаясь внутрь кадык. Затем поднял глаза и долго смотрел на висящую на ночном небе полную луну, на поверхности которой, если хорошо приглядеться, можно было различить улыбающееся человеческое лицо.

Он стоял не шевелясь. Может, минуту, а может, и все пять. Очнувшись, утер мокрое и липкое лицо рукой, сжимающей оружие, сунул револьвер за брючный ремень, накрыл сверху рубашкой, чтобы не так бросался в глаза, развернулся и вышел из квартиры, аккуратно прикрыв за собой дверь и не беря ключ. Знал – больше он сюда никогда не вернется...

Слава спустился по мрачной, без единой исправной лампочки, лестнице, вынырнул из подъезда, вышел со двора на улицу и пошел по пустынному Ленинграду, совершенно не задумываясь о том, куда его несут ноги. Только что он самолично убил двух скотов, нелюдей, тварей, которые под покровом ночи проникли в квартиру, чтобы забрать его жизнь. Пути назад отныне не существовало. Любое разбирательство с милицией будет стоить Славе свободы и, с учетом сложившихся обстоятельств, гарантированно обернется если не расстрельной стенкой, то долгими годами лагерей где-нибудь в Коми наверняка. Легавые мертвой хваткой вцепятся в такую удачную возможность окончательно втоптать в грязь его и без того исковерканную за последние полдня жизнь. И доказывать им, уже все для себя решившим, адекватность гражданской самозащиты совершенно бесполезно. А в случае с бритоголовым – еще и бессмысленно. Ведь с точки зрения буквы закона поломанный калека уже не представлял опасности и до приезда милиции никуда бы из квартиры не сбежал. Но Слава убил его. Хладнокровно. Спокойно. Потому что после всего, что произошло между ними двумя минувшим днем и той памятной ночью в арке не такого уж далекого отсюда проходняка, это было правильно. Подонок заслужил свою смерть, и он ее получил.

Куда на самом деле его несут ноги, Слава понял, только выйдя на Невский и увидев прямо по курсу Московский вокзал.

Сомов! Только он один на всем свете – товарищ по тренировкам и самый близкий друг – сейчас мог помочь Славе. Прежде всего советом и участием. Мог спокойно выслушать и с высоты своего жизненного опыта подсказать, как быть дальше и что делать в первую очередь. Только в старом бревенчатом доме у профессора, в

деревне Метелица, всего в получасе езды от города, Корсак мог найти понимание и крышу над головой на ближайшее время. Там его искать не станут, потому что их дружба с Леонидом Ивановичем до сих пор оставалась тайной за семью печатями. Для всех, включая маму. Сейчас главное, успокоиться, все обдумать, переждать...

Слава взглянул на подсвеченные часы на башне вокзала. До первого утреннего поезда в сторону Метелицы оставалось еще почти три часа. Слишком долго. Да и вокзал закрыт. Может, пройти по Лиговскому, выйти на Московский проспект и поймать попутку? Деньги, хоть и немного – вот они, в кармане. На магарыч вполне хватит...

Оглядевшись по сторонам, Слава перешел проспект, свернул за угол – и практически лицом к лицу столкнулся с двумя милиционерами, постовыми, приглядывающими ночью за порядком на площади.

Один из них – высокий сержант – затянулся, отбросил окурок папиросы, внимательно посмотрел на опустившего лицо и ускорившего шаг парня и громко окликнул:

– А ну стой! Сто-й-йать, я сказал!!!

Слава остановился. Для полноты картины оставалось только поднять руки вверх.

– Кто такой? – грозно спросил сержант.

Второй постовой, по долгу службы готовый к любого рода неожиданностям, молча встал чуть позади и левее, привычно положив руку на висящую на портупее кабуру с пистолетом. Опытный.

– Имя, фамилия. Документы есть?

– Иванов Игорь. Нет у меня документов, – ответил Корсак. – Я девушку свою с танцев провожал, сейчас – домой.

– Где живешь? – продолжал буравить недоверчивым взглядом милиционер. Район Ленинграда, который начинался сразу за Московским вокзалом, во все

времена слыл беспокойным в криминальном плане. И с местными обитателями – урками и хулиганами – немолодой уже, пообтесавшийся на службе сержант привык держать ухо востро.

– На углу Лиговского и Московского, – спокойно ответил Слава и назвал номер и квартиру. – Отпустите, а? Меня мать, наверное, ждет, волнуется. Спать не ложится.

– А ты, стало быть, по девкам бегаешь? Хорош кавалер, – бегло и как-то излишне «понимающе» переглянувшись с напарником, криво ухмыльнулся второй милиционер. И вдруг добавил, мгновенно окаменев лицом: – А чтоб было легче – босиком?

Слава не сразу понял, о чем идет речь. Затем опустил глаза.

Он был без обуви. Как лег на диван, как уснул, как дрался – так потом и вышел из дома. В легких хлопковых брюках, рубашке с коротким рукавом, в носках – и только. Целиком погруженный в свои мысли, пребывающий в шоке, он даже не заметил отсутствия на ногах сандалий, пройдя в таком виде по улицам города.

Приехали... Теперь точно не отстанут. А под рубашкой – «ствол». Чужой. С неизвестным прошлым.

– А ну, руки в гору!!! – подтверждая худшие опасения Славы, грубо рявкнул сержант, отступая на шаг назад, демонстративно отстегивая клапан пистолетной кобуры и доставая табельное оружие. – Обыщи-ка его! Глядишь – и перышко припрятанное найдется! Знаю я таких, бля, ночных провожатых...

Слава с горечью понял: медлить и разыгрывать спектакль дальше – смерти подобно. Еще секунда – и совладать с двумя вооруженными милиционерами будет уже невозможно. Его арестуют, изымут трофейный револьвер, отведут в участок, установят личность, а потом выяснится и про три трупа на квартире. Один – застреленный из найденного у него «ствола», второй – задушенный, третий – с переломанной шеей. Тогда точно кранты. «Вышка» гарантирована. Ну уж нет. Да и что терять пролетариату, кроме своих цепей?

Слава, не оборачиваясь, ребром ладони ударил по запястью первого сержанта и выбил пистолет из его руки. Дозированным ударом – чтоб не насмерть – врезал

точно между ног второму. И мгновенно метнулся вперед по Лиговскому, к ближайшему проходному двору. Только бы успеть.

– Стой, су-у-ка!!! – шипя от боли в онемевшей руке, крикнул вдогонку поставой, кидаясь к отлетевшему в сторону оружию. – Стрелять буду!!!

Его товарищ просто хрипло скулил, лежа на тротуаре, прижимая обе руки к отбитым гениталиям и суча ногами.

Выстрел прозвучал в тот самый момент, когда Корсак поравнялся с первой аркой. Пуля просвистела рядом с ухом, обдав кожу горячим ветром, и с визгом вцепилась в угол проходняка, отбив кусок кирпичной кладки. Это недвусмысленное напоминание о бренности всего сущего придало Славе дополнительные силы.

Слава не знал этот чужой двор, так что его шансы убежать во многом зависели не только от быстроты его бега, но и от топографии местности. А она, эта самая топография, как нарочно, оказалась препогоной – в дальней своей части некогда проходной двор был перегорожен высоченной трехметровой стеной, перелезть через которую не было никакой возможности. Слишком поздно заметив непреодолимое препятствие, Корсак понял, что оказался в ловушке. Бежать назад, к дверям выходящих во двор подъездов, а через них – на крышу он уже не успевал – в выходящей на Лиговский проспект арке мелькнул силуэт сторожко передвигающегося вдоль стены сержанта с пистолетом в вытянутой руке. Светало по-майски рано. Еще пара недель – и на Ленинград опустятся белые ночи. В общем, видимость была вполне достаточной для прицельной стрельбы с расстояния в два десятка шагов. Милиционер, похоже, хорошо знал район, а поэтому двигался уверенно, не суетился. Спокойно сокращал дистанцию, продолжая держать на мушке застывшего у стены, рядом с ржавым мусорным баком, босого беглеца.

Слава с невыносимой, щемящей тоской в сердце понял, что ему во второй раз за эти проклятые сутки придется сделать тяжелый выбор. Или он, или этот, если разобраться ни в чем не повинный, даже напротив, мужественно и бесстрашно выполняющий свой служебный долг сержант милиции. У которого дома наверняка есть семья. Жена. Дети. И – живая еще старушка-мама.

– Ну что, допрыгался, падла?! – хрипло выдавил постовой, останавливаясь и переводя тяжелое от нервного напряжения и бега дыхание. Ему, рослому, коренастому, разменявшему четвертый десяток и курящему крепкие папиросы, активные физические нагрузки давались гораздо труднее, чем молодому и поджарому Корсаку.

– Руки за голову, гнида! Лицом к стене! Считаю до трех, потом стреляю! Раз! Два! Ну, ру-у-ки!

Слава сделал вид, что подчиняется, даже поднял руки – и клубком, с перекатом бросился за мусорный бак. Сержант мгновенно нажал на спуск. Бахнул, отразившись гулким эхом от стен двора-колодца, ударил по ушам выстрел. Пуля угодила точно в бак. Корсак охнул от боли, зашипел, стискивая челюсти. Выхватил чудом не выпавший во время прыжка револьвер, попутно бросив взгляд на свои босые ноги.

Пуля не прошла, застряла где-то в мусоре. Но за баком обнаружилась разбитая каким то доброхотом водочная бутылка из зеленого стекла. Именно об ее осколки Слава и порезал ноги. Сильно порезал. Глубоко. Кровь выступила мгновенно. Как некстати. Куда теперь бежать, в таком-то виде?

Однако Ярослав не расслабился ни на йоту. Быстро поднял с земли какой-то бесформенный обломок и не глядя швырнул в направлении милиционера. Следом за ним полетел кусок кирпича. Не попал, конечно. Так это и неважно. Не для того бросал, а чтоб кураж сержантский сбить. Вроде как истерика у него, загнанного в угол хулигана.

– Вылезай, бля!!! – донеслось со двора с явной ухмылкой. – И чтоб не брык...

Закончить фразу сержант не успел – выстрел из револьвера заставил его прерваться на полуслове, споткнуться, выронить табельное оружие и, качнувшись взад-вперед, тяжело упасть лицом на грязный щербатый асфальт глухого двора. Прямо в лужу.

Славу колотила крупная дрожь. Зубы стучали, как проходящий по рельсовой стрелке товарный поезд. Он поднялся во весь рост, вышел из укрытия, на ватных ногах приблизился к лежащему посреди двора милиционеру, схватил за руку и перевернул его тяжелое тело на спину. Пуля угодила в грудь и, видимо,

повредила легкое. Сержант был еще жив, но с губ на щеку уже стекала пузырящаяся кровавая пена.

Кто же тебя просил окрикивать, а?! Шел бы себе человек дальше к вокзалу и шел. Теперь уже ничего не вернуть. Занавес.

Где-то над головой хлопнуло, открываясь, окно. И тут же раздался истошный женский крик:

- Убили!!! Люди добрые-е-е-е! Борьку Макеева уби-и-и-и-и-ли-и-и!..

Ярослав икнул, затравленно огляделся и вдруг обнаружил в дальнем углу двора узкий лаз, ведущий в соседний двор. Метнулся туда, хромая и кусая губы при каждом шаге. Пролез, обдираясь в лохмотья. Снова побежал. Постепенно усилием воли заставил себя блокировать болевые рецепторы и сосредоточиться на конечной цели – любой ценой добраться до Метелицы. Поплутав, вскоре выскочил в какой то переулок. Кажется, тот назывался Кузнечный. Неспешно фланирующая по тротуару в столь ранний час парочка – усатый дородный мужик в костюме и галстук и совсем еще юная девушка – при виде выскочившего им наперерез из подворотни страшного парня, со сведенными судорогой скулами, безумным горящим взглядом, в разодранной рубашке и носках, да еще держащего в руке револьвер, испуганно отшатнулась. Девушка закрыла рот ладошкой, зажмурилась – и заверещала так, что вопли наверняка были слышны за километр.

- Простите... – невпопад выдавил Слава и рванул в виднеющийся на другой стороне переулка следующий двор. Затем – в еще один.

Там ему вдруг неожиданно повезло – на скамейке, возле окруженной кустами сирени детской песочницы, спал, оглашая окрестности богатырским храпом и подложив под голову свернутый пиджак, бородатый мужик лет пятидесяти. Тут же валялась пустая бутылка и стояли аккуратно снятые перед сном стоптанные кирзовые ботинки.

Корсак невольно хмыкнул. Даже в состоянии опьянения прикорнувший под открытым небом лиловоносый потасканный мужичок был щепетильно аккуратен.

В заднем кармане всех Славиных брюк всегда лежал чистый носовой платок. Разорвать его на две части – и получится нечто вроде стелек. Натягивать чужие говнодавы, распространяющие густое терпкое амбре даже на расстоянии, на изрезанные осколками ноги небезопасно, заражение крови еще никто не отменял, а так – в самый раз. Лучшей возможности добыть обувь все равно не будет, а босиком далеко не уйдешь.

По весу и дубовости тяжелые рабочие ботинки алкаша больше всего напоминали кандалы каторжанина, но разгоряченный погоней Корсак не обращал внимания на такие мелочи. Стараясь держаться как можно незаметнее, он, где дворами, а где и открыто, по тротуару, добрался до Московского проспекта, намереваясь или дождаться на остановке первого пригородного автобуса, или пройти дальше и где-нибудь ближе к окраине Ленинграда поймать попутку и на ней доехать до знакомого перекрестка, расположенного в нескольких минутах ходьбы от деревни, где жил Леонид Иванович. Какой из двух вариантов выбрать, решать, однако, не пришлось. Судьба распорядилась по-своему.

Практически у перекрестка двух проспектов Слава увидел стоящий у тротуара зеленый грузовик-«полуторку», до верху груженный деревянными ящиками. У левого переднего колеса возился, смоля чинарик и расторопно меня севший баллон на запаску, шофер – парень примерно его возраста, в рабочей спецодежде и лихо заломленной на затылок клетчатой кепке. Подойдя поближе, Слава взглянул на номер грузовика. Машина оказалась новгородской. То, что надо.

– Привет, земляк, – поздоровался с водителем Корсак. – Новгородский?

– Ну, – кивнул, покосившись на незнакомца, парень.

– Домой? – Ярослав кивнул на кузов.

– Ну, – выплюнул окурок шофер. – Че надо-то?

– Добрось до тринадцатого километра, будь другом, – попросил Корсак. – Деревня моя там. Я тут приехал к другу, ну запил... малость. Да, видать, поругались мы по пьянке. Когда очнулся – лежу во дворе, на лавке. Видок тот еще. Хорошо хоть деньги остались, – намекнул на магарыч Слава. – Я на вокзал соваться не стал, еще в милицию загребнут. Так что... Выручи, брат. А?

– Ладно, погодь, – внимательно оглядев Корсака с головы до ног, нехотя буркнул новгородец. – Щас скат прикручу, и поедем.

– Давай помогу, – предложил Слава. – Закину пустое колесо в кузов.

– Ну, валяй, – чуть улыбнулся парень.

Так и договорились. Проблема транспорта решилась на редкость легко.

До нужного места доехали быстро. Водила – его звали Олесь – попался разговорчивый и, похоже, был рад что хоть какую-то короткую часть пути до Новгорода рядом будет попутчик. О себе Слава предпочел не распространяться, в основном слушал, время от времени задавая вопросы и вынуждая словоохотливого шофера продолжать монолог. Пусть себе болтает, если человеку так нравится...

Наконец дорога сделала крутой поворот, и впереди показался знакомый холмик. Приехали.

– Вот здесь, у кривой березки, останови. Спасибо, брат. – Протянув мятую купюру, Ярослав подождал, пока она исчезнет в кармане водительской спецовки, обменялся с задымившим всю кабину говоруном коротким рукопожатием, спрыгнул на асфальт, едва не вскрикнув от молнией полыхнувшей боли в ноге, захлопнул дверь «полуторки» и, заметно прихрамывая, заковылял по пыльной грунтовке. Сегодня – выходной, лекций в университете нет, значит, Сомов в деревне. Не любил профессор город, при первой же возможности уезжал на природу, в Метелицу. Хотя...

В поведении Ботаника тоже случались странности. Не часто, может, раз в месяц, а то и реже. Имея крепкое, богатырское здоровье – уж Слава знал это как никто другой! – Леонид Иванович вдруг звонил в университет, сказывался больным и – таинственным образом исчезал на два-четыре дня. Затем, как ни в чем не бывало, снова возвращался и приступал к чтению лекций. Однажды, в самом начале их знакомства, узнав, что Сомов заболел, Слава после занятий купил яблок и поехал к нему в деревню. Но нашел дом профессора пустым. Сэнсэй объявился в аудитории лишь спустя трое суток, и Ярослав не удержался, рассказал о своем визите к мнимому больному. На что нахмурившийся Сомов

ответил:

– Ты прав. Я действительно не болел. Мне просто нужно было срочно отлучиться по личным делам... Давай условимся на будущее – без предварительной договоренности не приезжай. Без обид, ладно? Мало ли что да как...

С тех пор ловко прикидывающийся рассеянным неумехой Ботаник несколько раз повторял этот трюк с липовой простудой, исчезая на несколько дней, но Слава уже никогда не задавал сэнсэю вопросов. Мало ли какие у Сомова могут быть дела. Хотя, положив руку на сердце, Корсаку было по-человечески интересно. И он не отказался бы однажды услышать из уст сэнсэя об истинной причине его регулярных отлучек. Но тот молчал. Значит, так нужно...

До деревни Слава дошел, кусая губы и скрежеща зубами. Порезанные ступни полыхали огнем и, кажется, воспалились от попавшей в свежие раны грязи с чужих говнодавов. Не спасало даже самовнушение. Японские шпионы-невидимки, по словам Леонида Ивановича, владели этим трудным искусством до такой степени, что могли, даже лишившись в бою руки, долгие дни пути до дома заставлять себя не терять сознание и не обращать внимания на боль. Так что до величия духа самураев Славе Корсаку, целеустремленно идущему по пути воина, еще так же далеко, как пешком задом наперед – до Страны восходящего солнца. Но он не собирался останавливаться. Ни в прямом, ни в переносном смысле.

Покачнувшись и задев бедром вечно распахнутую, вросшую в землю калитку в покосившемся заборе и поднявшись по скрипучим ступенькам на крыльцо профессорского дома, Слава громко постучал в дверь. Силы окончательно покинули его. Колени подкосились. Беглец медленно опустился на черные от старости доски, прислонился спиной к бревенчатому срубу и закрыл глаза.

Хоть конец света трубите и покажите, где переждать – больше он не сделает ни шага!..

Дверь открылась не сразу. Ботаник, явно оторванный от завтрака, а потому активно работающий челюстями, едва увидев своего ученика – измученного, мокрого от пота, изодранного, пребывающего в полуобморочном состоянии, с провалившимися глазами, под которыми залегли черные круги, к тому же обутого в явно чужие кошмарные ботинки, – без лишних слов подхватил Славу, помог подняться и завел в дом. Не забыв при этом сторожко оглядеться. Пусто.

– Иваныч... – Ярослав открыл глаза, встретился взглядом с сэнсэем и принялся сбивчиво, то торопливо, глотая слова, то делая долгие паузы, рассказывать профессору историю своих злоключений, начиная с вызова к ректору, беседы с капитаном НКВД и известия об аресте мамы и заканчивая поездкой на грузовике. Сомов молчал, хмуря брови. Когда переступали через высокий порог между сенями и горницей, из-под рубашки споткнувшегося Корсака с глухим стуком выпал револьвер. Сомов поднял его, играя желваками, и спрятал себе под ремень. Осторожно усадил Славу на стул, сразу дал напиток холодной колодезной воды, после чего присел на корточки и помог избавиться от едко смердящих, покрытых пылью ботинок пьяницы.

Увидев покрытые коркой запекшейся крови, распухшие, изрезанные подошвы, нахмурился, осторожно стянул рваные носки, затолкал их в ботинки и вынес на двор. Бросил на периодически сжигаемую мусорную кучу за сараем. Принес из сеней какой-то веник – пучок сушеной травы, снял с вбитого в стену гвоздя железный таз, тщательно вымыл руки в раковине, плеснул в таз горячей воды из стоящего на печи чайника, бросил пучок сушеной травы, чуть разбавил холодной водой, чтобы не сильно жгло, и заставил продолжающего свой путаный рассказ Славу, скрипя зубами, опустить в таз ступни. Помогло. Когда рассказ был закончен, Корсаку стало чуть легче. Боль мало-помалу отступала. Но было совершенно очевидно, что несколько дней ему придется провести лежа в постели. О возможности заражения он предпочитал не думать. Ближайшие сутки все окончательно расставят по местам – или обойдется, или... или начнется горячка, а значит – дело дрянь и без врача не обойтись.

Впрочем, оно и без горячки уже дрянь. Дрянней некуда. Нет выхода. Тупик.

Только сейчас Слава вдруг со всей остротой осознал, как сильно он подставляет вынужденного помогать ему – тройному убийце – Леонида Ивановича. И мысленно выругал себя самыми последними словами за эгоизм. Но... куда еще он мог пойти, куда приткнуться в этом огромном мире? У кого просить совета – как жить дальше?!! Не считая мамы, Ботаник был для Славы единственным настоящим другом. Почти отцом. И Слава верил – сэнсэй поможет. Его гениальный разум найдет единственно возможный выход из тупика. И никогда не посоветует ему добровольно сдаться. Смерть в любом случае неизбежна. Так не лучше ли принять ее как можно позже, до последнего удара сердца оставаясь свободным? Ответ очевиден.

Выхода нет только из гроба. Пока ты жив и дышишь – он есть. А пресловутое «отсутствие выхода» – это не что иное, как выход, который сегодня нам не слишком нравится.

– Извини, что я приехал, Леонид Иванович, – прошептал Ярослав, он почему-то стал говорить профессору «ты», но это обоим не смущало. – Но мне некуда больше податься. Совсем. – Он с надеждой посмотрел на хмурого, задумчивого сэнсэя. Он искал понимания и поддержки. И он их получил.

– Тебе не в чем себя винить. Ты все сделал правильно, – наконец заговорил Сомов. – Ты поступил так, как должен был поступить. Если бы на месте тех трех уроков... особенно меченого... оказались другие урки, их можно было бы оставить жить... И, ничем не рискуя, вызвать милицию. Но оказались те, что оказались. Меченый, ловко задвинув байку про жену и детей, едва не похоронил тебя в проходняке. Лысый вообще оказался настолько глуп и злопамятен, что рискнул поквитаться за проявленное к нему, гнусному ворюге, неслыханное снисхождение. Третий – тот, что открыл замок – получил случайную пулю от своего, и в этом тоже есть своя закономерность. Что же касается сержанта... когда ты оказался прижат к стене – у тебя просто не было иного выхода. Все, что тебе было нужно, – это свобода. И я уверен, если бы ты мог стрелять, как американский ковбой, ты бы наверняка ограничился тем, что прострелил бы ему руку с пистолетом. После чего спокойно бы скрылся. Ведь так?

Корсак кивнул.

– Но ты – не снайпер. Так что не в чем себя винить. Просто так сложились обстоятельства.

– И с мамой?! Тоже обстоятельства?! – не удержавшись, с жаром выпалил Слава. И тут же пожалел о сказанном. При чем тут Ботаник? Арест мамы и ее нелепое обвинение в воровстве по указу «семь-восемь» не является стечением обстоятельств. Это – умысел. Холодный. Расчетливый. Гнусный.

– Нет, – словно читая его мысли, качнул головой Леонид Иванович. Скулы его напряглись. – Это уже не обстоятельства, Слава. Это – молот преступной власти, дрожащей от страха перед своим собственным народом и потому уничтожающей всякого, на кого упадет тень подозрения. Кто кинул тень и достоверно ли обвинение против него – уже не важно. Первым делом – растоптать, на всякий

случай. А уже потом разбираться, что к чему. Или не разбираться. Просто забыть. Людей у нас в стране много. А людоед – один...

Сомов на секунду замолчал, нервно дернул щекой, словно от зубной боли, и продолжил, сменив тему:

– Мне действительно жаль твою маму. Но, к сожалению, ты не в силах повлиять на ход событий. И никто не в силах. Значит, нужно смириться, собрать волю в кулак и жить дальше. Ты понял? Жить. Речь сейчас идет не о ней, а о тебе. Ты спрашиваешь меня, что тебе делать? Я отвечаю. Ситуация, в которой ты оказался, не оставляет тебе ни единого шанса вернуться в прежнюю жизнь. И самый лучший выход – это твоя смерть...

Корсаку вначале даже показалось, что он ослышался. Такого шокирующего и исчерпывающего «совета» от сэнсэя он никак не ожидал. И от неожиданности сразу не нашелся что ответить. А Сомов между тем продолжал:

– Ты должен осознать: отныне любое, даже самое случайное, поверхностное соприкосновение Ярослава Михайловича Корсака с властью с большой долей вероятности означает для него арест, суд и приговор к высшей мере. Но жить абсолютно вне общества, вне людей, вне каких бы то ни было внешних контактов в двадцатом веке могут разве что дикие африканские людоеды. А применительно к нашей стране – отшельники-богомольцы, обитающие в затерянных где-то в бескрайней Сибири староверческих скитах. Вывод? Или прямо сейчас трусливо поджать хвост, добровольно сдаться и получить «вышку». Или... бывший студент Слава Корсак должен исчезнуть. Испариться. Должен забыть всех людей, которых знал в предыдущей жизни. Друзей, близких, даже случайных знакомых, с которыми сто лет назад обмолвился словом на случайном полустанке. Всех!.. Ты должен умереть, для того чтобы воскреснуть под другим именем и, желательно, с несколько измененной внешностью. А также с безупречной, в мельчайших деталях отработанной и заученной легендой вместо прошлого и – хочешь ты этого или нет – с совершенно другим, чем у студента ЛГУ Славы Корсака, будущим.

– Исчезнуть – для всех? – сглотнув подступивший к горлу ком, глухо спросил Ярослав.

– Теоретически, – вздохнул Ботаник, – хорошо бы для всех. Только, боюсь, не получится. Потому что в таком случае тебе лично, собственными руками придется отправить на тот свет всех тех, кто поможет тебе измениться, а следовательно, будет в курсе, что тишайший гражданин Пупкин – не кто иной, как пропавший без вести страшный убийца, разыскиваемый за четыре криминальных трупов карающими органами Советского Союза. Так что на практике пара-тройка посвященных в страшный секрет перевоплощения все-таки останется.

– И ты – в их числе. Как главный режиссер сего чудного фокуса. – В притухших было, тлеющих, как догорающие в костре угли, зрачках Славы вновь сверкнул огонь.

– Ты имеешь что-нибудь против? – удивленно приподнял брови Ботаник. На губах Леонида Ивановича появилось и исчезло подобие ухмылки.

– Наоборот, – поиграл скулами беглец. – Интересно даже. Как кинофильм про шпионов. И я – в главной роли.

– Да уж, – нахмурился Сомов. – Только вот поздравлять с ее получением тебя вряд ли станут. Потому как роль тебе досталась максимально близкая к прототипу, – серьезно заметил профессор. – С той лишь разницей, что, в отличие от профессионального актера, играть ее тебе придется не восемь часов в день, в течение полугода, а круглосуточно, причем очень и очень долго. А может статься, что и всегда, – с упором на последнее, ключевое слово закончил свою «лекцию» скромный и невзрачный – для всех, кроме Славы – преподаватель немецкого языка Ленинградского государственного университета.

– У меня нет выбора, – бесцветно отозвался Слава. – Если не считать первый из предложенных тобой вариантов. Но это – полный абсурд. Я не самоубийца.

– Я не сочиняю варианты, – жестко отсек Сомов. – Я всего лишь обрисовал текущее положение фигур на игровом поле. Тебе мат на следующем ходу. Я не гроссмейстер Алехин. Возможно, есть другой... и даже третий, относительно безболезненный способ избежать гибели, – предположил профессор. – Но я, признаюсь честно, их в упор не вижу. Ентшульдиген зи мир битте, герр Корсак.

– Я – тоже. – Слава согласился с сэнсэем. – Значит, их нет. Так что дело за малым – претворить безумный план в реальность. Одна проблема... Такая перелицовка по зубам разве что органам Чека. Насколько мне известно, ты, Иваныч, ни с какого бока... Или... с какого?

– Ты прав. Насчет Чека. – Обычно ровный и мягкий, почти монотонный голос Ботаника вдруг резко надломился. Стал глуше. Тяжелее. Жестче. Словно оскалил зубы в предчувствии кровавой драки хищник. – Однако есть и другая сила. О ее существовании известно не многим... Я знаю, что ты хочешь спросить. Мол, раз уж я так ходко, без предисловий, рискнул озвучить тему с твоим перевоплощением, у меня есть кое-какие... скрытые возможности, о которых я до сих пор никогда не распространялся. Так?

– Так, – подтвердил Корсак. Чуть поколебавшись, предположил: – Эти контакты... как-то связаны с твоей жизнью на Дальнем Востоке?

Ботаник вздохнул. Молчал несколько долгих, томительных секунд. Походил по избе, затем достал откуда-то с верхней полки заваленного книгами огромного стеллажа початую пачку дорогих папирос «Герцеговина Флор», сел за стол, чиркнул спичкой о коробок и впервые за годы их с Славой знакомства закурил. Умело, без позывов на кашель, втягивая едкий дым в легкие и стряхивая пепел в тарелку с яичной скорлупой щелчком указательного пальца. Ярослав, внимательно наблюдавший за каждым движением глаз, каждым жестом, каждой переменной мимики сэнсэя, уловил, как после его напоминания о Дальнем Востоке Сомов неуловимо изменился. Погрубел, ожесточился и без того сухощавым лицом – видимо, вынужденный снова вспоминать то, о чем хотелось бы забыть навсегда. Таким напряженным, сжатым, словно упругая стальная пружина, Корсак увидел профессора впервые.

Интуиция подсказывала Славе: когда Ботаник заговорит, он услышит нечто, что заставит его взглянуть на Леонида Иваныча другими глазами.

Так и случилось.

– Я родился и вырос в Приморье, – щурясь от дыма, начал рассказ Ботаник, смяв гильзу дорогой папиросы. – И большую часть жизни провел во Владивостоке. В тех краях всегда было полно азиатов. Так получилось, что благодаря своему учителю я довольно быстро для европейца освоил китайский язык. Когда мне исполнилось двадцать один, как тебе сейчас, я уже окончил институт и более-менее умел махать руками и ногами. И тут меня угораздило влюбиться в одну китайку. Мы познакомились случайно. Я увидел ее, проходящую мимо, и – все. Словно ослеп. Понял, что жить без нее не смогу. В общем, развернулся и, как идиот, потащился следом. Потом все же собрался с духом, догнал, заговорил. А она рассмеялась мне в лицо и отвечает: «Я давно вас заметила. Вначале думала, что вы – грабитель или насильник, решивший напасть на беззащитную девушку в темном переулке, а вы, оказывается, влюбились в меня с первого взгляда!» Словом, когда я проводил Линь до дома – как потом выяснилось, совершенно чужого, выбранного ею наугад – и предложил назавтра снова встретиться, она, к моему удивлению, сразу согласилась. Но с условием – я никогда не буду расспрашивать ее о семье и работе. Я, разумеется, пообещал. Мы начали встречаться, примерно раз в неделю, гулять, выбирая самые тихие, немногочелюдные места, и вскоре стали близки... Я жил в маленькой квартирке с тараканами, на окраине Владивостока... Что меня сразу поразило, так это искушенность Линь – а ей было всего восемнадцать – в любовных ласках. К тому времени я, понятное дело, давно был не мальчик-колокольчик, имел опыт с девушками из института, но эта бестия вытворяла в постели такое, от чего я буквально сходил с ума. С одной стороны, мне было безумно хорошо с ней. С другой... Я ведь любил ее по-настоящему и буквально сгорал от ревности, представляя, сколько у нее было до меня любовников. А может, и сейчас есть... Несколько раз я пытался откровенно поговорить об этом, но Линь моментально пресекала «запретные» темы, грозя немедленным разрывом, если я буду слишком настойчив. Нам хорошо вместе, говорила она, так давай просто наслаждаться жизнью и ни о чем не думать... Я пытался, но это оказалось слишком трудно. Невозможно... Я понимал, что она вынуждена скрывать от меня слишком большую часть своей жизни. Чувствовал, что ее что-то – или кто-то – держит... И тогда я решил пойти ва-банк. Сделал ей предложение выйти за меня замуж и уехать на запад России, в Москву или Петербург. Или еще дальше – в Германию. Ведь я наполовину немец, дипломированный филолог, к тому же отлично знаю язык. И смогу найти в Германии хорошую работу. Я обещал, что, если она согласится, я никогда не буду спрашивать ее ни о чем. Но втайне, конечно же, надеялся, что, уехав из Владивостока, Линь расслабится, рано или поздно не выдержит и сама все расскажет. А как иначе? Как и любой на моем месте, я строил всякие догадки насчет ее тайной жизни и богатого опыта в любви и был почти уверен, что Линь – замужем. И ее муж – очень богатый

человек. У нее никогда не было недостатка в деньгах. Она одевалась только в дорогую одежду. Пахла дорогой французской водой... Но мне было наплевать на ее мужа. Вообще – на ее прошлое. Я был слишком молод, страстно любил ее и хотел, чтобы мы жили вместе. Готов был понять и простить все. Неважно, с кем была девушка до тебя. Ты не имеешь права упрекать ее за прошлое. Я был согласен принять ее такой, какая она есть, со всеми ее тайнами и скелетами в шкафу. И в этом своем намерении был сам перед собой абсолютно искренен.

Сомов снова потянулся к пачке, достал папиросу, закурил.

– В тот день она не сказала ни «да», ни «нет». Попросила две недели на обдумывание... Мы не виделись ровно тринадцать дней, которые показались мне вечностью. Я потерял сон и аппетит. Круглые сутки думал только о Линь. А когда мы наконец встретились, готов был носить ее, опаздавшую на целый час, на руках от радости. И, разумеется, первым же делом спросил о ее решении. Справедливо полагая, что в случае отрицательного ответа она бы попросту не пришла на свидание и тихо исчезла из моей жизни. Ведь я даже понятия не имел, где она живет. Я ничего о ней не знал! Мы расставались все время в одном и том же месте. Еще во вторую нашу встречу я дал обещание, что не стану за ней следить. В ее удивительных навыках замечать слежку я уже имел возможность убедиться. Поэтому даже не пытался... Хотя, разумеется, сгорал от любопытства...

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://telnovel.me/ru/gorshkov_valeriy/pod-chuzhim-imenem

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)